

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2013 № 4

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

Круглый стол ... 3

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Шкарин В. В., Шипунов Д. А., Камкин Е. Г. Реализация программы
модернизации здравоохранения в крупном промышленном городе:
социологический анализ ... 5

Рахимуллина О. А., Крайнова И. Ю. Горожане как потребители
косметологических услуг ... 11

Болдина М. Ю. Экологическая культура жителей Волгоградской
городской агломерации: комплексный социологический анализ ... 18

ГОРОД И ВЛАСТЬ

Антипов К. А. Конфликтное взаимодействие местного сообщества
и муниципальной власти ... 33

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Туманик А. Г. Формирование русской архитектурно-художественной
культуры Сибири в XVIII — начале XIX вв. ... 42

Грякалов Н. А. Стекло в градостроительных стратегиях ... 54

Мельникова О. Г., Олейников П. П. Информационное моделирование
зданий: опыт реконструкции памятников культурного наследия ... 72

АВТОРАМ

*Условия приема статей в редакцию и требования к авторским
оригиналам ... 81*

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиников,
зам. председателя —
канд. техн. наук, доц. **В.И. Воробьев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
д-р экон. наук, проф. **О.В. Максимчук**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренков,
д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р ист. наук, проф.
Н.А. Болотос,
нач. РИО **М.Л. Песчаная**

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2013

© Потоккина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENT

HUMAN IS IN CONTEMPORARY CITY

Shkarin V. V., Shipunov D. A., Kamkin E. G. Implementation
of the program of health care modernization in a large industrial city:
sociological analysis ... 5

Rakhimullina O. A., Kraynova I. Yu. Citizens as consumers
of cosmetological service ... 11

Boldina M. Yu. Environmental culture of the dwellers of Volgograd city
agglomeration: comprehensive sociological analysis ... 18

CITY AND POWER

Antipov K. A. Conflict interaction between local community
and municipal authorities ... 33

ARCHITECTURAL SPACE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Tumanik A. G. Development of the Russian architectural and art culture
in Siberia in XVIII – the beginning of XIX century ... 42

Gryakalov N. A. Glass in town-planning strategy ... 54

Melnikova O. G., Oleynikov P. P. Information modeling of buildings:
experience of reconstruction of monuments of cultural heritage ... 72

INFORMATION FOR AUTHORS

**Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 81**

Вниманию авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2012 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25, 96-99-96

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

Редакционная коллегия журнала «Социология города» приглашает читателей и авторов нашего журнала принять участие в круглом столе «Традиции и инновации в развитии архитектурного пространства современного города».

Мы надеемся, что тема, выбранная для дискуссии, будет интересна не только специалистам в области архитектуры и градостроительства, но и более широкому кругу лиц. Дело в том, что город — не просто совокупность зданий и сооружений материально-вещественной природы. Построение функциональных пространств городской среды, ее выразительных комплексов и рекреационных зон зависит не только от мнения специалистов, но и от желания тех, кто там живет. Архитектурное пространство любого города — это опредмеченный комплекс идей, вбирающий в себя и объективные знания градостроительной науки, и эстетические принципы архитектурного творчества, и, вместе с тем, цели и стремления горожан, их духовные и материальные потребности.

Понятно, что, анализируя состояние города, намечая вектор его развития и функционирования, необходимо это учитывать. Такой, по сути своей, социокультурный подход к изучению городской среды имеет историческую размерность. В каждый временной отрезок обычно выделяют и обсуждают наиболее важные для жизни города системные проблемы. В настоящее время к их числу относятся три важнейшие проблемы.

1. Проблема сохранения архитектурного пространства современного города. Здесь речь не идет о сохранении в абсолютном смысле, так как город — живой организм и его архитектурное пространство не может оставаться неизменным. Вопрос в том, как сочетать социальное функционирование и развитие с сохранением ранее созданного наследия.

Обычно апелляции к прошлому в различных областях деятельности всегда связаны с поисками системоохраняющих факторов. Каждая эпоха выбирает себе в истории, иногда осознанно, а иногда стихийно, локусы прошлого, близкие ей по духу и служащие коррелятом современного опыта. Это общее правило обычно не нарушается, однако, с другой стороны, оно не является алгоритмом, который позволяет однозначно определить, что в архитектурном прошлом близко по духу и коррелирует с настоящим. Определение того, что следует сохранить или, в силу временного фактора, изменить требует конкретного обсуждения с участием всех заинтересованных сторон и не может быть скрытым и поспешным. Надеемся, что в рамках работы круглого стола мы внесем некоторую ясность в решение этого вопроса.

2. Проблема джентрификации. Джентрификацией в настоящее время называют процесс архитектурного обновления депрессивных промышленных зон и обветшавших жилых комплексов. Россия столкнулась с депрессивными факторами, вынужденно меняющими архитектурное пространство, в последние разрушительные десятилетия, и для большинства российских индустриальных городов эта проблема чрезвычайно актуальна.

Развитые страны, и прежде всего США, имеют достаточно длительный опыт джентрификации и выработали свою стратегию архитектурного обновления. Сообщество развитых западных стран удовлетворило свои первичные жизненные потребности и теперь использует для расширения потребительского рынка эмоциональный фактор. Архитектурное пространство в этом контексте выступает в качестве товара, поставляющего эмоциональные переживания. Зрелищность архитектуры становится знаком преуспевающего города, способного оставить эмоциональный след в сознании горожан и гостей города. В соответствии с такой установкой депрессивные зоны трансформируются в экзотические отели, деловые, туристические, спортивные центры, гостиничные комплексы, дорогие районы элитного жилья.

Возникает вопрос: применим ли этот путь реновации для российских индустриальных городов и будет ли он полезен для их жителей и российского общества в целом?

3. Рекреационные территории и их место в архитектурном пространстве современного города. В начале XX века в мировой градостроительной практике появились модели архитектурного пространства, где городскую, искусственно созданную среду пытались совместить с природой, создать своеобразный «экологический архетип» городского архитектурного пространства. Первой в этом ряду была концепция города-сада Э. Говарда. Город-сад представлял собой структуру, состоящую из концентрических зон с единым центром. В самом центре располагался парк, который окружала жилая зона с прилегающими озелененными участками.

Экологический императив, заложенный в концепции Э. Говарда, в своеобразной форме был воспроизведен в «идеальном городе» Ле Корбюзье, где застроенная зона архитектурного пространства составляла всего 5 % площади, а остальные 95 % отводились под парки, пешеходные зоны, автомагистрали. Идеи Корбюзье в СССР были широко распространены и даже канонизированы, а их влияние прослеживается и в российских, ныне действующих строительных нормах и правилах, регламентирующих удельный вес озелененных территорий в пределах городского пространства.

Вместе с тем в конце XX и в XXI веке градостроительная деятельность в российских городах значительно отклоняется от требований строительных норм и правил, что ухудшает экологические параметры городской среды. Этот вопрос в последнее время стал предметом серьезных дискуссий, иногда переходящих в политическую плоскость.

Конструктивное решение подобных проблем несомненно требует активного участия и специалистов, и граждан конкретных городов, и потому эти вопросы вынесены на обсуждение нашего круглого стола.

Круглый стол состоится в марте 2014 г. Подробную информацию по организационным вопросам можно получить у ответственного секретаря доктора философских наук, профессора М. П. Назаровой по телефону 8-8442-96-98-25, 8-902-388-72-28.

Гл. редактор журнала «Социология города»
доктор философских наук, профессор

Б. А. Навроцкий

УДК 614.2:303.4

*V. V. Shkarin,
D. A. Shipunov,
E. G. Kamkin*

**РЕАЛИЗАЦИЯ
ПРОГРАММЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В КРУПНОМ
ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Городские жители заинтересованы в процессе модернизации отечественного здравоохранения, но плохо представляют себе, что это такое. Они понимают свою зависимость от улучшения условий труда и жизни врачей, повышения их квалификации, насыщения клиник новым медицинским оборудованием и информатизации процесса лечения, но не связывают непосредственно выполнение этих задач с Программой модернизации.

Ключевые слова:

пациент,
клиника,
модернизация здравоохранения,
стандарты оказания
медицинской помощи,
социологический мониторинг.

*V. V. Shkarin,
D. A. Shipunov,
E. G. Kamkin*

**IMPLEMENTATION
OF THE PROGRAM OF HEALTH
CARE MODERNIZATION
IN A LARGE INDUSTRIAL CITY:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Citizens are interested in the process of national health care modernization, but they do not have a clear idea about it. They understand their dependence on the improvement of working and living environment of doctors, qualification upgrading, fitting of hospitals with new medical equipment and informational support of treatment process, but they do not relate the performance of these tasks to the Program of Modernization.

Ситуация в отечественной медицине в настоящее время не соответствует ожиданиям общества, поэтому государством принимаются серьезные социальные меры по поддержке и реформированию данного социального института. Среди них и Национальный проект «Здоровье», и работа над стандартами оказания медицинской помощи, и мероприятия по совершенствованию системы медицинского страхования, и корректировка программ подготовки квалифицированных кадров. Но неудовлетворенность населения работой медицинских организаций продолжает фиксироваться как на региональном, так и на федеральном уровнях. Во многом это связано с тем, что люди ожидают немедленных результатов реформ, тогда как многие мероприятия предполагают отдаленный результат. Для того чтобы его определить и спрогнозировать, была разработана «Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года», в которой четко определены задачи не только самой медицины как социального института, но и всего общества в направлении укрепления и охраны здоровья нации. При этом проект модернизации здравоохранения занимает в ней ключевое место, о чем ясно сказано уже в первом разделе данного документа:

«1. Общие положения. В целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации одним из приоритетов государственной политики должно являться сохранение и укрепление здоровья населения на основе формирования здорового образа жизни и повышения доступности и качества медицинской помощи.

Эффективное функционирование системы здравоохранения определяется основными системообразующими факторами:

совершенствованием организационной системы, позволяющей обеспечить формирование здорового образа жизни и оказание качественной бесплатной медицинской помощи всем гражданам Российской Федерации (в рамках государственных гарантий);

развитием инфраструктуры и ресурсного обеспечения здравоохранения, включающего финансовое, материально-техническое и технологическое оснащение лечебно-профилактических

Key words:

patient,
hospital,
health care modernization,
standards of medical treatment,
sociological monitoring

Об авторах:

Шкарин Владимир Вячеславович –
кандидат медицинских наук,
министр здравоохранения
Волгоградской области,
Волгоград, vishkarin@mail.ru

Shkarin Vladimir Vyacheslavovich –
Candidate of Medical Sciences,
the Minister of Health in Volgograd Oblast,
Volgograd

Шипунов Дмитрий Александрович –
доктор медицинских наук,
профессор кафедры общественного
здоровья и здравоохранения,
Волгоградский государст-
венный медицинский университет
(ВолГМУ), г. Волжский,
shipunoff@mail.ru

Shipunov Dmitry Aleksandrovich –
Doctor of Medical Sciences, Professor of Public
Health and Health Care Department,
Volgograd State Medical University (VolgGMU),
Volzhskiy

Камкин Евгений Геннадьевич –
кандидат медицинских наук,
заместитель директора Департамента
специализированной медицинской
помощи и стандартизации в здраво-
охранении Министерства здравоохра-
нения Российской Федерации, Москва,
kamkine@mail.ru

Kamkin Evgeniy Gennadevich –
Candidate of Medical Sciences,
the deputy director of the Department
on Specialized Medical Care and Health Care
Standardization of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Moscow

учреждений на основе инновационных подходов и принципа стандартизации;

наличием достаточного количества подготовленных медицинских кадров, способных решать задачи, поставленные перед здравоохранением Российской Федерации.

Указанные факторы являются взаимозависимыми и взаимоопределяющими, в связи с чем модернизация здравоохранения требует гармоничного развития каждого из них и всей системы в целом»¹.

Очевидно, что модернизация здравоохранения рассматривается как задача социальная, в ее решении должны принимать участие различные институты, но пока согласованность их действий не достигнута. Программа модернизации была рассчитана на 2011—2012 гг., но продлена на 2013 г. в связи с тем, что некоторые трудности на пути ее реализации преодолеть не удалось. Что это за трудности, почему они возникли и не нужна ли корректировка программы для повышения эффективности ее реализации? Ответить на эти вопросы можно, только выйдя за рамки собственно медицины и оценив происходящие в ней перемены с позиций социальной экспертизы.

Сам термин «модернизация» заимствован из социальных наук. Первоначально он был адаптирован в экономической и технологической сферах, а затем начал использоваться и в других областях знания. Программа модернизации здравоохранения не использует методологию, обусловившую правильное употребление данного понятия. Модернизация — результат развития западной цивилизации. В качестве ее основных характеристик можно назвать следующие: господство идеи социального и технического прогресса; рационализация всех социальных и межличностных отношений; готовность и стремление к постоянным переменам как в образе жизни, так и в социально-экономических и политико-правовых институтах; возведение в ранг непреложных ценностей личной свободы и индивидуализма; взгляд на окружающий мир-природу как объект реализации человеческих знаний и сил; постоянный интерес к будущему как «лучшему настоящему» [1].

¹ Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soederghanie/Tom%2012/1-9.pdf>

Насколько полно используются достижения социологии в разработке проблем модернизации в новых начинаниях в отечественном здравоохранении? Нами было проведено исследование, **цель** которого — на социологическом материале выяснить отношение социальных субъектов — участников муниципальной программы модернизации здравоохранения к ее содержанию и перспективам реализации и на этой основе разработать рекомендации по оптимизации процесса модернизации для муниципальных систем здравоохранения. Модельным объектом был выбран г. Волгоград, хотя сравнение проводилось по нескольким региональным центрам.

Мы исходили из того, что муниципальная программа модернизации здравоохранения является комплексным социальным мероприятием, осуществляемым с учетом региональной специфики с целью повышения качества оказания медицинской помощи. Она включает в себя создание трехуровневой системы оказания медицинской помощи, оснащение лечебных учреждений высокотехнологичным оборудованием и приведение состояния помещений этих учреждений в соответствие с современными требованиями, совершенствование системы подготовки высококвалифицированных кадров и информатизацию медицинской отрасли. Участниками программы модернизации являются не только медицинские работники, но и представители других социальных институтов общества. Итогом реализации программы должно стать повышение уровня жизни населения города.

Однако активное включение населения в процесс модернизации программой не предусмотрено. Низкая информированность жителей города, высокая степень некомплаентности пациентов, несоответствие проводимых мероприятий их ожиданиям существенно снижают эффективность реализации программы. При подведении итогов модернизации не изучается и не принимается во внимание мнение врачей и среднего медицинского персонала. Отсюда — отсутствие достоверного прогноза темпов и результатов изменений, связанных с модернизацией системы оказания медицинской помощи. Для изменения ситуации в лучшую сторону необходима социологическая экспертиза программы и хода ее выполнения.

В ходе исследования был впервые проведен социологический анализ результатов выполнения программы модернизации здравоохранения на муниципальном уровне, получены достоверные данные об отношении к этим результатам социальных субъектов — участников процесса модернизации — и разработаны рекомендации по его оптимизации. На материале проверок региональными министерствами здравоохранения выполнения программ модернизации методом контент-анализа выявлены и иерархизированы основные трудности реализации программы на муниципальном уровне: создание трехуровневой системы медицинской помощи — 34,8 %, ремонт помещений — 30,4 %, введение стандартов оказания медицинской помощи — 23,9 %, информатизация здравоохранения — 10,9 %.

Также был проведен компаративный анализ отношения к реализации программы жителей города, среднего медицинского персонала и врачей, показавший различия в их ожиданиях, выявлены компоненты программы, вызывающие негативную реакцию у каждой из этих групп. Были типологизированы положительные оценки изменений в медицинском обслуживании пациентов тех медицинских учреждений, в которых мероприятия по модернизации уже реализованы, сформулированы

предложения по включению в программу новых позиций, на которых настаивают пациенты.

Методами, которые использованы в исследовании, явились следующие: контент-анализ, анкетирование, фокус-группа. Материалом для контент-анализа послужили справки, представленные в МЗ РФ комиссиями, работавшими в регионах (кроме г. Москвы и Московской области). Всего было проанализировано 24 документа (29,6 %), что позволяет говорить о достоверности результатов. Анкетирование проводилось на базе хирургических и терапевтических стационаров г. Волгограда, опрос пациентов — на базе Клиники № 1 ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет». В опросе участвовали только пациенты в удовлетворительном состоянии как на дооперационной, так и на послеоперационной стадии. Для данной группы была применена сплошная выборка. Компаративный анализ мнения пациентов, среднего медперсонала и врачей по поводу модернизации здравоохранения предполагал выяснение мнения экспертов, что и было сделано при помощи метода фокус-групп. Было проведено 3 фокус-группы на базе Отдела этической, правовой и социологической экспертизы в медицине Волгоградского медицинского научного центра.

Результаты исследования показали следующее. Модернизация общества — это глобальная трансформация социальных институтов, вызванная последним технологическим скачком и описываемая новой научной парадигмой. Интеграция в модернизационный процесс является закономерностью развития каждого социального института, в том числе и медицины. Гуманитарная экспертиза модернизационных процессов показывает известное отставание в развитии институтов жизнеобеспечения по сравнению с институтами технологической, экономической и политической сфер социума, поэтому задача модернизации здравоохранения является актуальной.

При этом оценка процесса модернизации субъектами-инициаторами содержала достаточное число критических замечаний для того, чтобы действие программы было продлено на 2013 г. В целом распределение трудностей в процессе модернизации по результатам контент-анализа можно представить следующим образом: структура медицинской помощи (СМП) — 34,8 %, ремонт помещений — 30,4 %, введение стандартов оказания медицинской помощи (ОМП) — 23,9 %, информатизация здравоохранения — 10,9 %.

Наибольшие проблемы в реализации программы модернизации здравоохранения наблюдаются в структурировании трехуровневой системы медицинской помощи, в создании инфраструктуры для маршрутизации пациентов, что не удивительно в условиях больших расстояний и плохих дорог в России. Причем для Волгограда, где проводилось исследование, проблема инфраструктуры и особенно дорог стоит очень остро. Это говорит о том, что модернизация — системный процесс, и проводить ее на платформе только одного социального института — здравоохранения — достаточно проблематично.

В результате исследования выяснилось, что пациенты заинтересованы в процессе модернизации отечественного здравоохранения, но плохо представляют себе, что это такое. Они понимают свою зависимость от улучшения условий труда и жизни врачей, повышения их квалификации, насыщения кли-

ник новым медицинским оборудованием и информатизации процесса лечения, но не связывают непосредственно выполнение этих задач с Программой модернизации.

В стационарах, прошедших модернизацию, пациенты хирургического и терапевтического профиля положительно оценили:

эффективность лечения (56,70 и 35,29 % соответственно), что объяснимо разницей содержания и формы хирургического и терапевтического вмешательства, но может свидетельствовать и о технологическом «опережении», связанном с внедрением инновационных методов в хирургии;

количество медикаментов и медицинских материалов (39,18 и 27,45 % соответственно), что может быть следствием большей потребности в лекарственных препаратах, сопровождающей терапевтические вмешательства, но следует отметить в целом низкую оценку уровня лекарственного обеспечения;

сроки ожидания госпитализации (38,14 и 29,41 % соответственно).

Больше всего пациенты тех же стационаров недовольны:

питанием (15,01 %);

нехваткой лекарств и медикаментов (12,07 %);

долгим ожиданием места в стационаре (14,5 %).

В целом недовольных больше среди пациентов терапевтического профиля.

Жители города — немедики не считают, что Программа модернизации может дать ожидаемый эффект без соответствующей реорганизации системы финансирования здравоохранения. Они отмечают положительные моменты реализации программы: информатизацию медицинских учреждений (в первую очередь внедрение интерактивной регистратуры), наличие медицинских центров с высокотехнологичным оборудованием и квалифицированными кадрами (третий уровень). В то же время данная группа респондентов отметила следующие недостатки Программы модернизации: она не повышает заинтересованность врачей в результатах своего труда, является единовременным мероприятием, не меняющим систему и осуществляемом на бюджетные деньги, не решает проблему профилактики заболеваний.

Медицинские работники в целом положительно относятся к модернизации, отличается в этом вопросе позиция врачей поликлинического звена. Они считают, что Программа модернизации полезна для создания и функционирования третьего уровня медицинских учреждений — крупных высокотехнологичных медицинских центров, расположенных в столичных городах, мегаполисах и «столицах» субъектов Федерации, но она малоэффективна для учреждений первого и второго уровней. Типичной данная группа врачей считает проблему несоответствия кадров и оборудования (нет кадров — есть оборудование, есть кадры — нет оборудования), неэффективной признают процедуру технического оснащения лечебных учреждений (тендеры), отрицательно относятся к сокращению числа медицинских учреждений первого уровня, считают этот процесс неизбежным следствием модернизации.

По результатам исследования нами были разработаны **рекомендации**, на которых необходимо остановиться подробнее. Как показало исследование, эффективность модернизационных мероприятий в большой степени зависит от способности пациентов понять и воспринять нововведения в здравоохранении. Принятие документов, подобных Программе модернизации, должно проходить на основе тщательного изучения мнения не только руководителей

здравоохранения, но и медицинских работников, и пациентов [2]. Социологический мониторинг мнения заинтересованных групп поэтому является объективной необходимостью любых реформ в здравоохранении не только на муниципальном уровне. Но пока он не проводится. Организация такого мониторинга — задача муниципальных органов управления здравоохранением.

Пациенты в настоящее время сдержанно относятся к введению стандартов оказания медицинской помощи и настаивают на индивидуальном подходе к больному. Но такая позиция может объясняться тем, что осведомленность в вопросах внедрения стандартов у пациентов чрезвычайно низкая, информация о них является вопросом личной инициативы врачей и до сих пор никак не отражена в формах информированного согласия. Мы рекомендовали отразить этот компонент в единой форме информированного согласия, которая в настоящее время разрабатывается Министерством здравоохранения Российской Федерации. Тем более что это отвечает этическим требованиям к документам в области охраны здоровья [3].

В результатах модернизации большую заинтересованность проявили пациенты хирургического профиля, поскольку в их представлениях она связана с насыщением клиник высокотехнологичным оборудованием и внедрением новых, малоинвазивных методов лечения, что находит большее применение в хирургии, чем в терапии. Но специальных мероприятий по реорганизации хирургических стационаров или кабинетов в городских больницах не предусмотрено. Это значит, что на хирургическое направление автоматически распространяются все те положения программы, которые являются инвариантными и обязательными для других направлений. Необходимо оговорить специфику модернизации, связанную с распределением высокотехнологичного оборудования и маршрутизацией пациентов в системе здравоохранения города.

Модернизация — это процесс, который в наших городах происходит постоянно. Основные проблемы внедрения Программы модернизации городского здравоохранения связаны с тем, что она: а) плохо скоординирована с модернизацией других социальных институтов и б) носит единовременный характер. Необходимо на основе приобретенного опыта разработать постоянно действующие критерии модернизации в муниципальном здравоохранении, которые были бы включены во все планы деятельности региональных органов управления здравоохранением, предусмотреть поддержку этих мероприятий другими социальными институтами общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 2004.
2. Петров В. И., Седова Н. Н. Социологические проблемы здоровья городского населения // Социология города. 2008. № 1. С. 5—12.
3. Седова Н. Н., Приз Е. В. Об этической экспертизе законопроектов в сфере здравоохранения // Биоэтика. 2011. № 2. С. 15—18.
1. Modernizatsiya: zarubezhnyy opyt i Rossiya. M., 2004.
2. Petrov V. I., Sedova N. N. Sotsiologicheskie problemy zdorovya gorodskogo naseleniya // Sotsiologiya goroda. 2008. № 1. S. 5—12.
3. Sedova N. N., Priz E. V. Ob eticheskoy ekspertize zakonoproektov v sfere zdavookhraneniya // Bioetika. 2011. № 2. S. 15—18.

© Шарин В. В., Шипунов Д. А., Камкин Е. Г., 2013

Поступила в редакцию
в декабре 2013 г.

УДК 687.55+303.425.6

*О. А. Рахимуллина,
И. Ю. Крайнова***ГОРОЖАНЕ
КАК ПОТРЕБИТЕЛИ
КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ**

На основе полученных авторами объективных данных о потребностях и возможностях различных социальных групп городских жителей по лечению возрастных изменений кожи разработаны предложения и рекомендации для врачей-косметологов. Результаты социологического опроса горожан — потребителей косметологических услуг — об ожидаемых результатах лечения позволяют врачам-косметологам адекватно планировать комплекс воздействий для профилактики и коррекции возрастных изменений внешности.

Ключевые слова:

косметология,
возрастные изменения,
городские жители,
клиника,
врач.

*O. A. Rakhimullina,
I. Yu. Krainova***CITIZENS AS CONSUMERS
OF COSMETOLOGICAL SERVICE**

Some suggestions and recommendations are developed for beauty therapists on the basis of the objective data obtained by the authors concerning the requirements and opportunities of different social groups of citizens on treatment of age-specific changes of skin. The results of the citizens sociological poll — consumers of cosmetological service — on the expected results of treatment allow beauty therapists to plan adequately a complex of manipulations for prevention and correction of age-specific changes in appearance.

Key words:

cosmetology,
age-specific changes,
citizens,
clinic,
doctor.

Косметология — это область клинической медицины, которая тесно связана с личностными особенностями человека. Услуги и виды работ, реализуемые в косметологических клиниках, напрямую связаны со здоровьем и качеством жизни человека, восстановлением и поддержанием равновесия и гармонии индивидуального и (или) общественного здоровья с окружающей природной и социальной средой. Стоит ли говорить о том, что в городских условиях «риски красоты и здоровья» гораздо выше, чем в сельской местности. Но и возможностей для нейтрализации таких рисков в городе больше.

Сохранение молодости как для женщин, так и мужчин является признаком успеха и требует пристального внимания не только медиков, но и социологов. Стремление человека к внешней привлекательности вполне оправдано. Заботясь о сохранении своей внешности, о защите ее от неблагоприятных воздействий времени, пациент обращается к врачу-косметологу, удовлетворяя при этом социальные потребности, потребности в безопасности, уважении и самореализации.

Жизненный опыт, детерминируемый общественными условиями, системой обучения и воспитания, формирует у пациента определенную систему ценностных ориентаций, социальных установок в отношении к медицине как к социальному институту, к способам и методам лечения.

К сожалению, на сегодняшний день нет достоверных статистических данных, характеризующих социальный статус пациентов городских косметологических клиник и салонов, так как частные организации не предоставляют сведений о своих пациентах, считая это коммерческой тайной. Отсутствие же таких данных не позволяет разработать целостную концепцию развития муниципальной косметологической службы.

Развитие косметологической практики в России сопряжено с рядом негативных тенденций [1]. Часть клиник косметологического профиля не соответствует нормативным требованиям, действующим на территории РФ. Многие методы, используемые в косметологии, не имеют официального разрешения на их применение, а у большинства специалистов отсутствует надлежащая профессиональная подготовка. До сих пор

врачебные косметологические процедуры проводят не специально подготовленные врачи-дерматовенерологи, а врачи других специальностей, медицинские сестры или лица без медицинского образования. Ошибки, совершаемые медицинскими работниками во время проведения процедур, позволяют оценивать их поведение как деструктивное, угрожающее безопасности пациентов. Все это ведет к дискредитации прогрессивных и высокоэффективных методов, применяемых в косметологии.

Кроме того, в коллективах косметологических клиник уделяется мало внимания межличностным взаимоотношениям. Еще классики советской медицины Н. И. Пирогов, С. П. Боткин, Д. С. Самойлович в своих работах доказали, что терапевтическая эффективность лечения во многом зависит от умения доктора устанавливать контакт с пациентом. Проведено большое количество исследований, посвященных взаимоотношениям «врач — руководитель», «врач — врач» на примере межличностных отношений представителей разных специальностей [2, 3]. Описанные исследователями роли руководителя и врача могут быть экстраполированы на медицинские организации любого профиля, в том числе и на косметологические клиники. Однако нам не удалось найти публикаций, где анализируются взаимоотношения между врачом-косметологом и его пациентом, а ведь именно такой альянс определяет успешность диагностики и лечения возрастных изменений кожи. Врачи, владеющие знаниями в области межличностных взаимоотношений, могут точно ориентироваться в мотивах пациента, предопределяя его ожидания и требования, связанные с эстетическими процедурами. Тем самым они на деле осуществляют принцип максимальной ориентации на удовлетворение требований потребителей косметологических услуг.

Важнейшим направлением в косметологии является устранение возрастных изменений кожи лица, шеи и зоны декольте, негативно влияющих на качество жизни и психологическое состояние людей. Такие методы и препараты, используемые в этом направлении косметологии, как профессиональные косметические средства, химические пилинги, мезотерапия, контурная пластика

Об авторах:

Рахимуллина Ольга Альбертовна — кандидат медицинских наук, врач-косметолог, главный врач косметологического центра «АНТАМЕД», Казань, estetik-k@vandex.ru

Rakhimullina Olga Albertovna — Candidate of Medical Sciences, beauty therapist, chief doctor of the "ANTAMED" Cosmetology Centre, Kazan

Крайнова Ирина Юрьевна — аспирантка кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ), beautydoctor@inbox.ru

Kraynova Irina Yurevna — Postgraduate student, Philosophy, Bioethics and Law with the course of Medical Sociology Department, Volgograd State Medical University (VolgGMU)

и ботулинический токсин типа А (БТА), не только имеют разную клиническую эффективность, но и существенно различаются между собой по стоимости. Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день в Российской Федерации практически нет комплексных исследований медико-социальных аспектов применения методов лечения, используемых в косметологической практике. Это связано с определенными трудностями проведения исследований из-за того, что проблема носит междисциплинарный характер. Поэтому наиболее перспективным является поиск ее решения на конкретной популяции — в нашем случае в группе городских жителей.

Широкий спрос на косметологические услуги объясняется не только стремлением пациента к внешней привлекательности, но и благоприятным воздействием их на общее состояние нервной системы и психику человека из-за образования положительных эмоций. Наличие доступной и достоверной информации о способах лечения возрастных изменений кожи и их безопасности, медико-социальной и социально-экономической эффективности этих способов помогает пациенту косметологической клиники сделать свой выбор.

Нами проведено исследование востребованности косметологических услуг городскими жителями в Казани и Волгограде. В ходе изучения факторов, формирующих потребность населения в лечении возрастных изменений кожи в косметологических клиниках, выяснено следующее: потребность населения в косметологических услугах существует — это объективная реальность. Среди населения, не получающего услуг косметолога, 63,4 % желают посещать косметологические клиники, причем открыто об этом говорят 66,2 % женщин и 36,3 % мужчин. Рост числа потенциальных потребителей идет пропорционально их возрасту и составляет в возрастной группе до 25 лет 40,0 %, в возрастных группах 25—34 лет и 35—54 года по 63,9 % и в возрастной группе старше 55 лет 68,4 %.

Практически все опрошенные хотели бы устранить эстетические дефекты, возникающие с возрастом, и тем самым улучшить свою внешность. Иметь гладкую кожу лица, красивый ее цвет и устранить складки, которые формируются на лице с возрастом, желали более половины опрошенных женщин и около трети мужчин. Но основным предпочтением населения при коррекции своей внешности является устранение такого дефекта кожи, как морщины (72,6 % женщин и 62,2 % мужчин). В результате углубленного опроса горожан выяснено, что желание устранить морщины актуально как среди лиц, не посещающих косметолога, так и среди пациентов косметологических клиник. Данное желание фиксируется в возрастной группе 25—34 года у 64,8 % пациентов косметологических клиник и у 47,2 % лиц, не получающих услуг косметолога и имеет тенденцию к росту, достигая максимума в возрастной группе старше 55 лет — соответственно 92,9 и 74,5 %.

Большая часть горожан, посещающих косметологические клиники, принадлежит к возрастной группе старше 35 лет (75,6 %). До 34 лет пациенты обращаются в косметологические клиники за процедурами, позволяющими иметь гладкую кожу (в группах до 25 лет — 73,3 %, 25—34 года — 58,3 %) и красивый цвет лица (в группах до 25 лет — 73,3 %, 25—34 года — 50,0 %), а с 35 лет у пациентов независимо от пола появляется потребность в косметологи-

ческих услугах, направленных на устранение морщин (в группах 35—54 года — 92,9 %, старше 55 лет — 92,3 %).

Наименее эффективным методом коррекции возрастных изменений и врачами-специалистами (11,3 %), и пациентами (22,9 %) считается лечение с помощью профессиональных косметических средств. Вместе с тем наиболее часто для устранения возрастных изменений кожи пациенты, независимо от своего возраста, выбирают профессиональные косметические средства — 86,4 % от числа опрошенных. Реже пациентами выбираются другие методы коррекции: химические пилинги — 56,6 %, мезотерапия — 37,2 %, БТА — 49,2 %, внутридермальные импланты — 27,9 %. Результаты исследования свидетельствуют, что только врачи (69,1 %) и пациенты (85,0 %), осведомленные о всех методах косметологического лечения, для коррекции возрастных изменений выбирают БТА.

Анализ информированности городского населения о методах, применяющихся в косметологических клиниках, выявил, что население достаточно широко информировано о существовании современных методов лечения возрастных изменений кожи, в том числе с помощью БТА. Информированность лиц, пользующихся услугами косметолога, выше, чем лиц, которые ими не пользуются (о косметических средствах — 83,3 и 58,7 %, о мезотерапии — 79,5 и 34,9 %, о химических пилингах — 81,4 и 50,6 %, о БТА — 76,6 и 39,6 %, о контурной пластике — 56,6 и 40,4 % соответственно). Данная закономерность обусловлена тем, что пациентов косметологических клиник врачи-косметологи информируют о сущности технологий на своих приемах. Недостаточность знаний населения о технологиях, используемых в косметологии, негативно отражается на востребованности косметологических услуг.

В результате оценки мотивации пациентов к лечению возрастных изменений кожи различными методами косметологической практики и причин отказа населения от косметологических услуг установлено следующее. Основной контингент всего опрошенного городского населения, вне зависимости от пола и возраста, оценивает состояние своего лица как неудовлетворительное. Среди опрошенных пациентов косметологических клиник удовлетворены своей внешностью 9,3 % лиц, а среди лиц, не пользующихся услугами косметолога, — 16,2 %. Это свидетельствует о том, что одним из мотивов посещения косметологических клиник является неудовлетворенность человека своей внешностью.

Те респонденты, которые не посещают косметологические клиники, указали на следующие причины отказа от косметологических услуг: дороговизна (37 %), сомнения в полученном результате (26 %), занятость более важными делами (23,4 %), потенциальная опасность (20 %). Отсутствие какой-либо доминирующей причины отказа среди опрошенных свидетельствует лишь о недостаточности достоверной информации о возможностях косметологии.

Среди горожан, пользующихся и не пользующихся услугами косметолога, меньше всего опасений вызывают косметика для профессионального ухода (соответственно 10,1 и 10,6 %), мезотерапия (12,4 и 21,3 %), технологии химических пилингов (29,1 и 27,7 %), контурная пластика (24 и 31,5 %). Наиболее опасными, по мнению респондентов, посещающих и не посещающих косметолога, являются ботулинические токсины (соответственно 42,2 и 34,5 %). При этом пациенты косметологических клиник более обеспокоены

опасностью ботулинических токсинов, чем лица, никогда не получавшие косметологических услуг. Пациенты уверены, что лечение возрастных изменений кожи с помощью БТА опасно для их здоровья, врачи же, не имеющие достаточной об этом информации и квалификации, не в состоянии опровергнуть подобные слухи.

Отказ пациентов косметологических клиник от популярных рекламируемых косметических средств связан с их низкой эффективностью, а от БТА — с отсутствием уверенности в его безопасности и высокой стоимостью. В настоящее время косметологические клиники имеют потенциальных пациентов, которые из-за отсутствия доступной достоверной информации о возможностях косметологических услуг, их безопасности, медико-социальной и социально-экономической эффективности не могут стать реальными пациентами.

В результате исследования был составлен социальный портрет пациента косметологической клиники. Реальными пациентами косметологической клиники являются женщины в возрасте 35—54 лет, желающие устранить морщины и применяющие для этого профессиональные косметические средства. Признавая их низкую эффективность, они уверены в безопасности лечения. Для коррекции морщин и возрастных изменений кожи наиболее результативным методом реальный пациент, независимо от пола, признает БТА. Основными причинами, по которым реальный пациент отказывается от эффективного БТА, является отсутствие уверенности в безопасности метода и высокая цена услуги. Наличие достоверной информации о безопасности и экономической эффективности могло бы помочь реальным пациентам косметологических клиник получить удовлетворяющие их результаты лечения возрастных изменений кожи.

Нейрофизиологическое исследование состояния периферического нейромоторного аппарата мимической мускулатуры пациентов после многократных введений БТА не выявило клинически значимых изменений. Проводящая и трофическая функции аксонов лицевого нерва после многократных инъекций БТА полностью сохраняется. Возбудимость рефлекторного аппарата восстанавливается независимо от количества инъекций препарата. Полученные данные свидетельствуют о безопасности многократных долговременных инъекций БТА в мимические мышцы лица.

Проведенный нами сравнительный медико-социальный анализ удовлетворенности пациентов городских косметологических клиник (на основе опроса врачей-специалистов и самих пациентов) от многократного применения БТА в лечении возрастных изменений кожи выявил следующее.

И врачи-специалисты, и сами пациенты отмечают наибольшее позитивное изменение психоэмоционального состояния пациентов в результате проведенного лечения и, как следствие, достижение удовлетворенности полученным эффектом при использовании БТА (соответственно $6,3 \pm 2,1$ и $6,8 \pm 2,9$) и внутридермальных имплантов (соответственно $6,4 \pm 2,2$ и $6,4 \pm 2,8$), а наименьшее — при использовании косметических средств (соответственно $4,5 \pm 2,1$ и $3,0 \pm 3,1$).

При проведении сравнительного анализа удовлетворенности эффектом от применения различных методов лечения возрастных изменений кожи выяснено, что мнение врачей-специалистов и пациентов в оценке удовлетворенности пациента эффектом от косметологических процедур различно. Спе-

циалисты, практикующие в косметологии, отмечают более высокую степень удовлетворенности пациента эффектом от лечения косметическими средствами, химическими пилингами и мезотерапией, чем сами пациенты, получавшие это лечение. Удовлетворенность пациентов эффектом от лечения БТА и внутридермальными имплантами более высокая по результатам самооценки, чем по оценке специалистов, практикующих в косметологии. Самооценку пациентами динамики своего психоэмоционального состояния в результате лечения в косметологической клинике можно считать объективным фактором, так как они оценивают изменения своего состояния, которое в итоге влияет на их душевное здоровье. Анализ показателей, характеризующих динамику психологического состояния пациентов (по их самооценке) в результате лечения различными методами свидетельствует, что наиболее эффективным методом лечения возрастных изменений кожи лица является БТА ($6,8 \pm 2,9$), причем как для мужчин ($8,3 \pm 1,9$), так и для женщин ($6,7 \pm 3,0$) независимо от их возраста.

В результате исследования выявлены и обоснованы социально-экономические преимущества применения БТА в лечении возрастных изменений кожи. Анализ социально-экономической эффективности различных методов, применяемых в лечении возрастных изменений кожи лица, проведенный методом «стоимость / эффективность», свидетельствует, что самым выгодным для пациента является метод лечения с помощью БТА, как за счет низкой годовой стоимости относительно других сравниваемых методов, так и высокого значения такой «естественной единицы», как показатель изменения психоэмоционального состояния пациентов после лечения.

Коэффициент «затраты / эффективность» составляет при лечении возрастных изменений кожи лица БТА 4,71, внутридермальными имплантами — 5,17, химическими пилингами — 6,80, мезотерапией — 10,11, косметическими средствами — 14,20. Проведенные исследования свидетельствуют, что лечение БТА сопряжено с наименьшим количеством затрат для пациента с целью получения дополнительных преимуществ в своем здоровье (для улучшения психоэмоционального состояния на 1 балл по 10-балльной шкале).

Использование результатов нашего исследования позволяет достичь наилучших результатов при лечении возрастных изменений кожи за счет правильного выбора методов лечения с учетом медицинской и социально-экономической их эффективности, ориентируясь на социологический портрет пациента городской косметологической клиники.

Мы считаем, что для повышения эффективности и улучшения качества косметологических услуг врачам при проведении первичного приема необходимо максимально точно определять требования и ожидания пациента от коррекции эстетических дефектов своей внешности. Врачу следует предложить пациенту именно те методы лечения, которые смогут наиболее полно удовлетворить его ожидания, описав все преимущества и недостатки предлагаемых методов. Окончательный выбор метода лечения из числа предлагаемых врачом должен оставаться за пациентом. Для улучшения здоровья человека, оптимизации его психологического состояния, предоставления возможностей для ведения им социально активного образа жизни, сохранения творческого долголетия, улучшения качества жизни и достижения им успехов в трудовой деятельности следует активно информировать его о возмож-

ностях косметологии и шире рекомендовать косметологические услуги. Посещение косметологических клиник с целью профилактики и лечения возрастных изменений кожи рекомендуется начинать с 25 лет, а активные мероприятия по устранению морщин кожи лица — с 35 лет. Врачам-специалистам следует выбирать для коррекции гиперкинетических морщин у пациентов с возрастными изменениями кожи в качестве основного метода лечения инъекции БТА. Применение БТА у женщин можно начинать с 25 лет, однако максимальная эффективность наблюдается с 35 лет. Мужчинам назначение БТА целесообразно после 35 лет, причем для них инъекции БТА являются единственным эффективным методом лечения возрастных изменений кожи.

Врачам-специалистам необходимо овладевать современными знаниями и умениями, содействовать повышению доступности, эффективности и качества косметологического лечения. В условиях крупного промышленного города обращаемость в косметологические клиники неуклонно растет в связи с указанными нами в начале данной статьи причинами. Следовательно, пришло время в крупных городах страны, таких как Казань и Волгоград, где проводилось исследование, создавать единую службу косметологической помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Файбисович Е. И., Рахимуллина О. А.* Кто делает горожан красивыми? // Социология города. 2012. № 4. С. 58—63.
 2. *Карымов О. Н., Рахимуллина О. А.* Этические проблемы персонализированной медицины в дерматологии // Биоэтика. 2013. № 2. С. 37—40.
 3. *Крайнова И. Ю., Карымов О. Н., Воробьева Н. А.* Нарушение этических норм в косметологической практике // Биоэтика. 2013. № 1. С. 42—45.
-
1. *Faybisovich E. I., Rakhimullina O. A.* Kto delaet gorozhan krasivymi? // *Sotsiologiya goroda*. 2012. № 4. S. 58—63.
 2. *Karymov O. N., Rakhimullina O. A.* Eticheskie problemy personalizirovannoy meditsiny v dermatologii // *Bioetika*. 2013. № 2. S. 37—40.
 3. *Kraynova I. Yu., Karymov O. N., Vorobeva N. A.* Narushenie eticheskikh norm v kosmetologicheskoy praktike // *Bioetika*. 2013. S. 42—45.

© Рахимуллина О. А., Крайнова И. Ю., 2013

Поступила в редакцию
в декабре 2013 г.

УДК 316.728

М. Ю. Болдина

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ
ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ:
КОМПЛЕКСНЫЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

Статья посвящена исследованию специфики экологической культуры жителей Волгограда и Волжского, а также выявлению степени влияния экологической культуры населения на экологическую ситуацию в регионе. При проведении социологического исследования применялись методы анкетирования, фокус-групповых дискуссий.

Ключевые слова:

социальная антропология,
городская антропология,
экологическая культура,
экологическое сознание,
экологическое поведение,
социальные ценности,
менталитет.

M. Yu. Boldina

**ENVIRONMENTAL
CULTURE OF THE DWELLERS
OF VOLGOGRAD CITY
AGGLOMERATION:
COMPREHENSIVE
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

The article is devoted to the research of specific features of the environmental culture of the dwellers of Volgograd and Volzhskiy, as well as to the determination of the degree of influence of environmental culture of the population on the ecological situation in the region. When carrying out sociological research the methods of polling, focus group discussions were applied.

Экологическая проблематика исследований технической и социальной сферы на протяжении последнего десятилетия остается стабильно популярной. Этому есть объективные и субъективные объяснения. Объективные причины интереса связаны с остающейся крайне напряженной экологической ситуацией, субъективные — с осознанием этой ситуации населением, с одной стороны, а с другой стороны, широкой возможностью манипуляции общественным мнением в этой сфере со стороны акторов, владеющих символическим капиталом, в политических, экономических и иных целях. Именно субъективная, культурно-символическая составляющая экологической темы послужила предметом нашего исследования.

Доминирующая на сегодняшний день позиция большинства аналитиков состоит в том, что экологическая ситуация складывается под воздействием института промышленности и должна быть разрешена при помощи института государства. Гипотеза данного исследования принципиально отличается: наряду с институциональным человеческий фактор является определяющим в формировании экологической ситуации и сохранении экологической безопасности в регионе. Экологическая культура, включающая экологическое сознание и экологическое поведение, определяет состояние качества городской среды, а также рациональность использования природных ресурсов для бытовых нужд (влияние установки счетчиков на потребление ресурсов, эффективность потребления продуктов питания и непродовольственных товаров).

Для проверки изложенной гипотезы в августе — октябре 2013 г. в Волгограде и Волжском при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований было проведено полевое социологическое исследование на тему «Экологическая культура населения как фактор экологической безопасности региона» методами анкетного опроса и фокус-групповых дискуссий. Выборка количественного исследования целенаправленная квотная, объем выборки 400 респон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта № 13-06-97051 р_поволжье_а «Экологическая культура населения как фактор экологической безопасности региона».

Key words:

social anthropology,
city anthropology,
environmental culture,
ecological consciousness,
ecological behavior,
social values,
mentality.

дентов. Качественное исследование представлено 5 фокус-группами по 8 человек (4 мужчины, 4 женщины), распределенными по возрасту: 1) 18—24; 2) 25—34; 3) 35—44; 4) 45—54; 5) 55 и старше.

Само понятие экологической культуры на данный момент не имеет четких границ. В целях настоящего исследования мы будем пользоваться определением, предложенным О. М. Дорошко, обобщившей подходы Л. Н. Когана, Ю. Р. Вишневого и Н. В. Шкарбана, Г. Хефлинга и других. Экологическая культура понимается нами как органическое единство развитого экологического сознания, эмоционально-психических состояний и волевой практической деятельности [1]. Поскольку экологическая культура рассматривается нами с точки зрения ценностного наполнения, то значимым представляется подробная социологическая интерпретация ценностно-когнитивного, эмоционально-ценностного и ценностно-деятельностного компонентов экологической культуры.

Ценностно-когнитивный компонент экологической культуры представлен теоретико-понятийным аппаратом, несущим аксиологическую и экологическую нагрузку. В социологическом плане этот аспект связан с выявлением наличия или отсутствия в ценностном наборе респондентов ценности компонентов природы как системы жизнеобеспечения, ценности здоровья и экологической безопасности жизненной среды. Здесь же выявляется связь экологической культуры с культурой в широком смысле слова [2]. Этот компонент можно условно соотнести с экологическим сознанием, выделенным в рабочем определении экологической культуры.

Эмоционально-ценностный компонент представляет собой степень развитости чувств и эмоциональных переживаний, связанных с красотой живой и неживой природы, совершенством форм, разнообразием красок и проявлений жизни, личностного смысла их восприятия [2]. В нашем исследовании этот компонент представлен косвенными вопросами инструментария, связанными с эстетическим восприятием жизненной среды респондентов.

Об авторе:

Болдина Марина Юрьевна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры философии и социологии, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Koma34@mail.ru

Boldina Marina Yurevna — Candidate of Sociological Science, Lecturer of Philosophy and Sociology Department, Volgograd affiliate of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation

Ценностно-деятельностный компонент отражает результаты конкретных практик. Он направлен на формирование ценностного отношения к природе, то есть такого отношения, которое способно соизмерять потребности человека и возможности природы, предполагает соблюдение норм экологически грамотного поведения, нравственных ограничений и применение ресурсосберегающих технологий [2]. Исследованию экологического поведения был посвящен отдельный блок инструментария.

Первый блок вопросов количественного и качественного этапов исследования был посвящен экологическому сознанию жителей Волгограда и Волжского. На вопрос анкеты «Волнует ли Вас состояние окружающей среды (экологическая ситуация) в Вашем городе?» подавляющее большинство горожан ответило положительно (66,9 % ответили «Да», 28,5 % — «Скорее да, чем нет»). Женщины в большей степени, чем мужчины, обеспокоены экологической ситуацией, ответ «Да» выбрали 71,8 % женщин и 54,2 % мужчин.

На вопрос о том, что собой представляет экологическая ситуация в нашем регионе, участники фокус-групп давали ответы, что экологическая ситуация — это неблагоприятное состояние окружающей среды, ставшее таковым под действием человеческого фактора. По-видимому, само слово «экологический» вызывает ассоциацию с чем-то неблагоприятным. Несколько иную тенденцию можно уловить в определении, данном другим участником дискуссии: «Экологическая ситуация — это общее состояние какого-либо окружения, с учетом всех его характеристик, важных для жизни человека, таких как загрязненность мусором или загрязненность атмосферы, воды, почвы, наличие или отсутствие видов растений и животных». Ключевой момент здесь — «характеристики, важные для жизни человека», то есть это определение близко к этимологии слова «экология» (ойкос — гр. «обиталище», «жилище», «дом»).

Еще одно предположение состояло в том, что экологическая ситуация — это конкретная для данного региона, для данного времени система взаимоотношений человека и окружающей его среды. Характеризуя сущностное наполнение этого понятия, респонденты отмечали, что экологическая ситуация складывается из состояния воздуха, состояния водоемов, общего состояния в городе, то есть отсутствия мусора на улицах города, количества действующих предприятий, которые тем или иным образом влияют на экологическую обстановку в городе, степени их развитости, используемых технологий производства. В группе респондентов в возрасте 25—34 года развернулась интересная ветвь дискуссии. Общая нить рассуждений состояла в том, что экологическая обстановка в современном мире складывается, как правило, в зависимости от уровня *влияния* на нее промышленного производства. Так, развитие может быть и на высоком уровне, но если нет элементарных очистных сооружений, то загрязнение будет высоким. В то же время можно иметь производство, которое пагубно не влияет на окружающую среду. Производительные силы развиваются так, что на более ранних этапах оказывают более пагубное воздействие на окружающую среду, чем на более поздних. Их развитие не всегда несет ухудшение ситуации, оно может повлечь и улучшение. Вся система очистки появляется не до развития производства, а после; когда промышленность дойдет до определенного уровня развития, тогда появляется экологическая компонента производственных отношений. Таким образом,

респонденты пришли к выводу, противоречащему мнениям остальных групп, что чем выше развита промышленность региона, тем благоприятнее экологическая ситуация.

Наиболее актуальными для исследуемых городов экологическими проблемами названы загрязнение воздуха (63,2 %), мусор на улицах (62 %), загрязнение воды (45 %), несанкционированные свалки мусора (35,7 %), недостаток зеленых насаждений (33,3 %). Существуют специфические проблемы Волгограда и Волжского: для Волжского несанкционированные свалки мусора менее актуальны, чем для Волгограда (18,8 против 37,4 %), а вот вырубка зеленых насаждений волжан гораздо больше, чем волгоградцев (43,8 и 13,5 % соответственно). Наименьшее количество ответов приходилось на повышенный уровень радиации (4,7 %) и загрязнение почвы (5,3 %). Главными виновниками указанных проблем респонденты считают самих жителей города (77,9 %), городские власти (68,6 %) и промышленные предприятия (48,8 %), причем волжанам свойственно винить промышленные предприятия в экологических проблемах в большей степени, чем волгоградцам (87,5 % волжан выбрали этот ответ и только 44,9 % волгоградцев). Областные и федеральные власти, по мнению горожан, несут меньшую ответственность за состояние окружающей среды в городе (28,5 и 20,3 % соответственно). Наименее популярными вариантами ответов оказались «малый бизнес» (4,7 %) и «крупный бизнес» (8,7 %).

На один из наиболее острых вопросов «Как Вы относитесь к факту вырубки в Волгограде зеленых насаждений в местах строительства крупных торговых и бизнес-центров, а также жилых комплексов?» распределение ответов оказалось предсказуемым. Неприемлемой мерой вырубку зеленых насаждений считают 63,5 % опрошенных, а необходимой жертвой для развития инфраструктуры города — 14,1 %. Не интересуются данной проблемой 10,6 % горожан, также около 10 % предложили свой вариант ответа, который можно обобщить в формулировке «Вырубка зеленых насаждений приемлема, если взамен вырубленных деревьев сажать новые». При ответе на этот вопрос выявились некоторые различия во мнениях жителей Волгограда и Волжского. Более категорично в выражении отрицательного отношения к вырубке насаждений высказывались волжане: 87,5 % из них против 61,0 % волгоградцев считают вырубку зеленых насаждений неприемлемой мерой, а необходимой жертвой для развития инфраструктуры города — только 6,2 % волжан против 14,9 % волгоградцев. Тех, кого данная проблема не интересует, среди волжан вообще не оказалось.

На фокус-группах жители Волгограда и Волжского дополнили список экологических проблем, а также конкретизировали те, которые были выявлены количественным исследованием. Волгоградцы специально остановились на вырубке дендрария для постройки «Акварели», а также на состоянии зеленого пояса вокруг Волгограда, который защищает город от пыльных бурь. Один из респондентов обратил внимание на неофициальную информацию, распространяемую в Сети (за достоверность которой он не ручается), о строительстве никелевого завода на территории Волгоградской области.

Состояние прудов также вызывает беспокойство участников фокус-групп в связи с распространением насекомых и, как следствие, ростом заболеваемости конго-крымской лихорадкой. Еще одной проблемой является то, что пруды зачастую специально используют для сброса отходов производств.

В Волгограде есть несколько таких прудов, в частности возле Химпрома. Охрана их не осуществляется, и горожане летом купаются в этих прудах, не подозревая об опасности. Подобную проблему отметили и для Ворошиловского района, где элеваторы сбрасывают отходы в Волгу неподалеку от несанкционированного пляжа. Практически во всех группах поднималась тема «красных выбросов» завода «Красный Октябрь». Волжане также отмечали проблемы, отсутствовавшие в бланке анкеты, такие как захоронения химических отходов в районе улицы Александрова, выхлопные газы автомобилей, состояние (пересыхание) Волго-Ахтубинской поймы, загрязнение питьевой воды, нехватка парковых зон.

На вопрос о том, есть ли разница в экологических проблемах Волгограда и Волжского, участники дискуссий ответили, что разница только в составе химических веществ в воздухе, а также в том, что в Волгограде промзона не имеет выделенного характера, не удалена от города, как в Волжском, где вся промзона вынесена за пределы города, правда, на недостаточно большое расстояние.

Интересными также представляются некоторые ответы участников фокус-групп на вопрос о том, кто виноват в перечисленных ими экологических проблемах (помимо вариантов, предложенных на количественном этапе исследования). Ответы эти примечательны тем, что виновники носят неодушевленный характер. В качестве примера можно привести две цитаты респондентов: «Менталитет. Ну вот, “Алюминьку” закрыли. С одной стороны, это хорошо, потому что меньше загрязнения, но, с другой стороны, плохо, потому что 3000 человек потеряли работу. А для экологов это радость». «Виновником является комфорт. Человек на протяжении своего развития привыкает к комфорту. Сейчас невозможно автовладельцев заставить ходить пешком на работу. Им это неинтересно и по времени невыгодно. Человек попал в свой собственный капкан, с одной стороны, создавая себе комфорт, с другой стороны, ухудшая себе этим жизнь».

Ответы на вопрос о том, что жители Волгограда и Волжского понимают под экологической культурой, можно сгруппировать вокруг двух наиболее емких определений: 1. «Экологическая культура — это система устоявшихся норм и представлений человека о природе и о взаимоотношениях человека с природой... и человека с человеком». 2. «Это свойство менталитета людей. Например, у нас есть различные сообщества, очень много классов. Есть рабочие люди, есть интеллигенция, есть зажиточные люди и так далее. Например, люди из клуба туристов, когда водят людей в походы, на пляжи, всегда заставляют за собой убирать. Это там считается хорошим тоном. А из другого класса люди, например, придут на пляж, раскидают бутылки, раскидают “бычки”. И для них это тоже считается хорошим тоном, потому что это круто — мусорить. Так что менталитет — самое главное». Первое из предложенных определений постулирует институциональный характер экологической культуры, второе — релятивистски-психологический.

Подводя итог обсуждения данного вопроса, следует отметить достаточно высокую степень информированности горожан об экологических проблемах, хотя сами участники дискуссии признаются, что не часто обсуждают подобные вопросы в кругу своих друзей и близких.

Следующим пунктом программы исследования был вопрос о связи экологической культуры населения с экологической ситуацией и с экологической безопасностью в регионе. В общественном сознании по данному вопросу можно выделить две противоположные позиции. Первая состоит в том, что низкий уровень экологической культуры населения обуславливает неблагоприятное состояние окружающей среды. Вторая позиция лаконично сформулирована А. И. Макаровым: «Общество пока не способно противостоять процессам деградации городской среды, вызванных напором бизнес-среды. Это могла бы сделать только государственная машина, но она тоже не делает этого, так как ее представители одержимы так называемыми “рыночными ценностями”, фетишизмом денег» [3]. То есть экологическая культура населения оказывает несоизмеримо меньшее влияние на окружающую среду, чем экологическая культура власть предержащих. В данном исследовании мы предприняли попытку продвинуться в понимании данной проблемы на основе эмпирических данных.

На вопрос о связи экологической ситуации в регионе с экологической культурой его жителей в рамках фокус-групп были даны в основном положительные ответы в пессимистическом ключе: «Мусор бросают, деревья вырубают, заводы дымят... значит, такая культура, так воспитали. У наших горожан низкая экологическая культура». Однако в одной из групп возникла нетипичная дискуссия по данной теме:

А.: «Мне кажется, это две вещи, которые взаимно поддерживают друг друга. Если взять какой-нибудь абстрактный город, в котором люди не бросают мусор мимо урны, то не факт, что они делают это, потому что у них высокая экологическая культура. Скорее здесь действует психологический фактор, что раз здесь не бросают, то и я не буду бросать. Но если взять другой город, в котором очень много мусора, то не факт, что у его жителей низкий уровень экологической культуры».

Модератор: «А сам “чистый” или “грязный” город как образуется? Как возникает традиция бросать или не бросать мусор в урну? Связано или не связано это с экологической культурой?»

Б.: «Не обязательно. Человек может жить в чистом городе и иметь высокую экологическую культуру, а потом переехать в грязный город, где принято бросать мусор мимо урны, и скорректировать свое поведение в соответствии с той социальной группой, к которой он принадлежит».

В.: «Я не согласна. Если человек 30 лет прожил и не курил, а потом переехал туда, где все курят, то с чего вы взяли, что он обязательно закурит? С чего он будет менять свою систему взглядов и ценностей? Если он никогда не выкидывал мусор в окно, то с чего вдруг будет выкидывать?»

Последний вопрос выглядит риторическим, однако в другой группе неожиданно возник на него ответ. Одна девушка сообщила, что, когда жила дома в деревне, то всегда закрывала воду, когда не пользовалась ею, а теперь живет в «общаге» и не делает этого. То есть предположение, что социальная среда рано или поздно «подтягивает» человека до своего уровня (вверх или вниз), не лишено оснований. Кроме того, в ответе последней девушки проявляется и наличие границ понятия «дом»: в деревне у родителей — это дом, а «общага» — не дом, а временное пристанище. Можно предположить, что сужение понятия «дом» существенно сказывается на экологическом поведении «вне дома».

Формирование и развитие экологической культуры, предполагающей не-утилитарное отношение к природе, опирается, в том числе, и на эстетический компонент, состоящий в рассмотрении природы как особой духовно-эстетической ценности. Человек, воспринимающий красоту природы и наслаждающийся ею, с большей вероятностью обладает более высоким уровнем экологического сознания, чем равнодушный к этой красоте. В этой связи эмоционально-ценностному компоненту экологической культуры горожан был специально посвящен блок вопросов анкеты. Косвенные вопросы, направленные на выявление значимости эстетической сферы, были связаны с досугом и повседневностью жителей агломерации.

На открытый вопрос о том, по каким улицам нравится гулять горожанам, самыми распространенными ответами стали Набережная 62 Армии, Аллея Героев, ул. Чуйкова, Мира, Советская, пр. Ленина и ул. Ленина в Волгограде, то есть места для прогулок горожан сконцентрированы, в основном, в центре города. Для Волжского такими местами оказались набережная, ул. Александра и ул. Дружбы. Причинами такого выбора стали обилие зеленых насаждений (70,3 %), красивые архитектурные ансамбли (48,7 %), то, что на них всегда чисто убрано (39,9 %), а также то, что по этим улицам ездит мало машин (29,1 %). То есть в досуге горожан эстетическая составляющая оказалась довольно значимой.

Наиболее предпочтительные районы для жизни волгоградцев — это Центральный и Дзержинский (их выбрали 39 и 26 % опрошенных соответственно), а для волжан — 23 микрорайон, старая часть города. Остальные районы Волгограда по предпочтительности проживания распределились следующим образом: Ворошиловский (11 %), Советский (5,7 %), Красноармейский (4,5 %), Тракторозаводский (2,6 %), Краснооктябрьский (2 %), Кировский (0,6 %). В Волжском предлагались также варианты: 12, 14, 18, 36, 7 микрорайоны. Причины выбора района для жизни распределились следующим образом: развитая инфраструктура района (хорошие дороги, школы, детские сады, поликлиники, магазины и т. п.) (40,0 %); родной район, с которым многое связано (35,6 %), чистый, благоустроенный район (31,2 %), расположен близко к бизнес-центру города (30,6 %), расположен близко к месту работы (учебы) (28,1 %). Обилие зеленых насаждений и красивые архитектурные ансамбли в меньшей степени волнуют горожан при выборе района для проживания (20,6 и 16,2 % соответственно), а выбор самого экологически чистого района для жизни считают значимым только 8,1 % респондентов. Таким образом, в повседневной жизни эстетическая составляющая уступает место *комфорту*, который участники фокус-групп называли в числе главных виновников экологических проблем.

Ценностно-деятельностный компонент экологической культуры был представлен в анкете отдельным блоком, посвященным выявлению бытовых привычек горожан. На вопрос о том, приходится ли респондентам выбрасывать продукты питания из-за их порчи, 64,5 % опрошенных отметили, что такое случается редко, в основном удается рассчитать нужное количество продуктов, но быстро портящиеся продукты, конечно, пропадают. У 19,2 % респондентов продукты, купленные впрок (картофель, лук и т. п.), частенько портятся, и их приходится выбрасывать. 10,5 % утверждают, что у них продукты не успевают испортиться, так как они покупают ровно столько, сколь-

ко нужно; и только 3,5 % опрошенных выбрасывают около половины купленных продуктов, так как закупаются большими партиями и не успевают их потратить. Волжане в этом отношении отличаются менее рациональным потреблением, чем волгоградцы, они чаще выбрасывают испортившиеся продукты, купленные впрок (37,5 %, тогда как волгоградцы — 17,3 %), также волжане реже выбирают вариант ответа «Такое случается редко, в основном удается рассчитать нужное количество продуктов, но быстро портящиеся продукты, конечно, пропадают» (43,8 % против 66,7 % волгоградцев).

Участники фокус-групп разделились на тех, кто не считает проблему нерационального потребления актуальной, и тех, кто считает ее таковой. Первые высказывались следующим образом: «Я сейчас не работаю, поэтому стараюсь продукты вообще не выкидывать. Сколько купил — столько съел»; «Мы не столько зарабатываем, чтобы покупать излишки. Если честно, мы покупаем ровно столько, сколько мы можем съесть. И не больше». То есть в данном случае проблема неактуальна, поскольку скромное финансовое положение не допускает нерационального потребления. Однако здесь респонденты отметили еще одну проблему, связанную с качеством самих продуктов: «Я не очень понимаю, как это связано с экологией — выбрасывание продуктов. Допустим, бывает такое, что ты купил литр молока, не посмотрел на срок его годности. Пришел, узнал, что оно прокисшее, его приходится выливать»; «А я хочу отметить, что качество хлеба очень плохое, он очень быстро портится. Раньше хлеб так не портился». То есть проблема эффективного потребления — это проблема не только потребителя, но и производителя.

Участники фокус-групп, которые отмечали значимость проблемы нерационального потребления, делились своим опытом: «Да, у нас есть такая проблема: выбрасывается большое количество продуктов, что не может меня не расстраивать. Причем я не понимаю, как это получается, потому что я рассчитываю на двух человек, но все равно большое количество выбрасывается. Выбрасывается очень много хлеба, потому что он забывается, каждый день покупается какой-то новый хлеб. Выбрасывается большое количество фруктов и овощей. Это даже одежды касается. Скапливаются огромные пакеты, которые нужно кому-то отдать или выбросить». На вопрос о том, предпринимают ли жители агломерации какие-то попытки решить эту проблему, респонденты отвечали, что они этого не делают: «Я думаю, что нужно писать списки, ограничивать себя в магазинах, ограничивать себя в деньгах, которые приносишь в магазин. Ну и культуру в семье насаждать»; «Мне кажется, современная культура предполагает большее потребление, чем необходимо, поэтому надо более рационально подходить к покупкам. Эгоизм просыпается, когда ты заходишь в большой магазин, хочется все купить. При этом ты не думаешь, что не сможешь все это съесть и оно испортится». Также один из участников поделился известным ему опытом попыток решения данной проблемы: «У нас, к сожалению, нет такого понятия, как разные мусорные ящики для разных отходов. То, что человек уже не может есть, могут есть свиньи, то, что человек не может надеть, могут надеть другие люди, которым эта одежда необходима. Я жил на Украине, там кто-то из местных властей озаботился этой ситуацией и поставил во дворах специальные контейнеры для только что испортившихся продуктов, которые сразу отвозили на свиноферму. Закончилось это тем, что люди стали там бутылки бить, еще что-то де-

лать, то есть портить уже испорченное. Необходима определенная культура, чтобы люди к этому серьезно относились». То есть респонденты отмечают влияние проблем формирующегося общества потребления, которое коснулось пока только более зажиточных граждан.

На вопрос анкеты «Выключаете ли Вы свет, когда он Вам не нужен?» самыми распространенными ответами оказались «Оставляю свет включенным, если ненадолго (до 10—15 минут) выхожу из комнаты» и «Да, всегда» (46,2 % и 41,5 % соответственно). Не следят за выключением света, так как включенная лампочка не слишком много добавляет к счету за электроэнергию, 11,1 % опрошенных. При этом всегда выключают воду, когда не пользуются ей, 74,4 % респондентов, 24,4 % иногда оставляют воду включенной, когда знают, что скоро опять будут ей пользоваться, а иногда забывают закрыть кран и вода свободно течет только у 1,2 % попавших в выборку. Счетчики на воду установлены у 47,7 % опрошенных, не установлены у 48,8 %, 3,5 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. С установкой счетчиков в использовании воды ничего не изменилось у 43,9 % респондентов, 36,6 % стали закрывать воду, когда не пользуются ею (раньше этого не делали) (женщины этот вариант ответа выбирают чаще, чем мужчины: 41,1 и 26,9 % соответственно), и 19,5 % стали всячески экономить воду.

Участникам фокус-групп был задан дополнительный вопрос, пользуются ли они энергосберегающими лампочками. Большая часть ответила утвердительно, но развернулась дискуссия о проблеме их утилизации. Респонденты высказали крайнее беспокойство по поводу того, что не находят возможности правильно утилизировать эти лампочки: «Например, сейчас придумали лампочки долгого горения, но не придумали, как эти лампочки утилизировать. Можно, конечно, пойти в домоуправление, сдать эту лампочку, но кто пойдет в домоуправления? Никому это даже не известно»; «Я ни разу не выдела ни объявлений, ничего. И первый раз, когда я увидела статью, я даже куда-то звонила, кажется, в ЖЭУ... Сказали: “Девушка, угомонитесь!”. То же самое с батарейками. На каждой батарейке нарисовано, что нельзя ее бросать в мусорку, а куда ее бросать?». В данном случае экологическая ответственность граждан сталкивается с экологической безответственностью уполномоченных органов.

Респондентам, имеющим автомобиль, были заданы вопросы, связанные с их действиями, от которых зависит степень влияния их автомобиля на окружающую среду. На вопрос «Выключаете ли Вы двигатель, когда стоите в пробке?» 68,3 % автолюбителей ответили, что выключают по ситуации (смотря какая пробка), 21,7 % не выключают и только 10,0 % выключают. Какие-либо меры для снижения токсичности выхлопных газов двигателя автомобиля принимают только 10,0 % опрошенных, как правило, это использование высококачественного топлива; чаще всего не применяется никаких мер либо о таких мерах ничего не знают (по 45,0 % опрошенных выбрали каждый из этих вариантов). В рамках фокус-групп удалось развернуть эту тему:

А.: «Есть городские достаточно большие автомобили, которые немного потребляют топлива, но проблема российского менталитета в том, что водители предпочитают по городу ездить на джипах, которые для города не предназначены, а предназначены для других целей. А служат только средством роскоши, самоутверждения для их владельцев».

Б.: «Когда ты покупаешь автомобиль, то думаешь об экологии в последнюю очередь. Но ты думаешь о том, что бензин дорогой, “жрет” много, большой транспортный налог, и эти факторы неэкологического характера могут побудить тебя отказаться от такой машины».

То есть новая для нашей страны культура потребления и здесь негативным образом сказывается на экологической ситуации, если Европа пересаживается на велосипеды, то наши граждане — пока только на джипы. В качестве примера ответа на вопрос о мерах снижения токсичности выхлопов можно привести следующее рассуждение: «Я стараюсь заправляться на заправках, бензин которых мне нравится. Также стараюсь не выключать передачу во время движения, чтобы при накате топлива не использовалось. Но вот таких вот средств снижения потребляемого топлива я даже и не знаю. А в пробке двигатель не выключаю, потому что жалко машину, каждый запуск двигателя — это минус 100 км пробега».

Одним из проявлений экологической культуры является отношение жителей города к субботникам. О проведении общегородских субботников знают 58,5 % опрошенных, не знают 41,5 %. Здесь проявились некоторые различия в ответах жителей Волгограда и Волжского: подавляющее большинство волжан (75 %) не знают о проведении в их городе субботников. При этом принимали участие в субботниках в течение последних трех лет 35,5 % (37,2 % волгоградцев и 18,8 % волжан), а 61,0 % (59 % волгоградцев и 81,2 % волжан) не принимали. Самыми распространенными причинами участия в субботниках стали желание сделать город чище (45,3 %) и «заставил начальник» (39,1 %), причем первый ответ более популярен у женщин (55,6 %), а второй — у мужчин (57,9 %). Причины отказа от участия в субботниках сводились, в основном, к тому, что респонденты считают, что городские власти сами должны обеспечить уборку территории (53,3 %), свой вариант ответа предложили 29,3 % респондентов, часто это были варианты «Не знал» или «Поздно узнал об их проведении». На вопрос об отношении к субботникам участников фокус-групп ответы были, в основном, «положительно». Однако были еще и такие варианты: «Как к принуждению — очень плохо. А как к добровольному акту — абсолютно положительно»; «Я считаю, что, как бы то ни было, добровольно или не добровольно, это очень хорошая штука сегодня. Даже если это будет не добровольно изначально, заставят школьников, студентов убирать, но, возможно, в них проснется какая-то искра, и они поймут важность этого мероприятия. Заставлять — это не очень плохо. Это метод воспитания, который был принят при советской власти, и он давал свои плоды»; «Было бы не плохо, если бы еще про это рассказывали. Какой это труд, какую он пользу приносит. Когда я учился в школе, у нас самый ужасный урок был — урок биологии, на который вообще можно было не ходить. Но факультативно можно было ходить в теплицы, смотреть, какие там растения, ухаживать за ними. Вот туда я ходил с удовольствием»; «Субботники начались с июня месяца. Единственный недостаток у этих субботников, что мы в перчатках и в пакетах собираем обыкновенный мусор, бумажки, которые разбросались. Дали бы грабли, лучше бы была уборка. А вообще это забота органов МСУ»; «Ну, это опять-таки зависит от конкретного человека. Вот, знаете ли, напрягает, что человек, который в этой организации работает, убирает “бычки”, бумажки и все такое, а потом, когда субботник заканчивается,

через 5 минут стоит, курит и опять кидает эти “бычки”. Поэтому дело не в субботниках. Я считаю, дело в людях»; «Мне кажется, если людей добровольно тяжело заставить, то надо как-то поощрять эти субботники либо наказывать монетой. У нас все хорошо все делают за монету». Также можно отметить, что более молодые участники фокус-групп не в полной мере осознают роль субботников, отсюда ответы о недопустимости принуждения к участию в субботниках или о материальном поощрении за них. Респонденты более старших возрастов относятся к субботникам как к само собой разумеющемуся явлению, говорят, что не ходят на субботники только больные и те, кто не знал об их проведении.

Еще один вопрос о связи эстетической и экономической мотивации горожан был посвящен отношению жителей к палисадникам возле их домов и к тому факту, что вскоре с установкой счетчиков на воду им придется платить за полив этих палисадников. Ответы здесь были самые разнообразные: «Конечно против. Пусть подводят поливную воду, а не ту, которую людям поставляют»; «У нас у соседа нету счетчика, он с шестого этажа шланг сбрасывает и поливает, а мы потом платим за это все... так же тоже нехорошо»; «У нас в подъезде есть люди, отвечающие за полив, но ни один человек им еще не сделал замечание “Почему Вы поливаете, а мы потом будем за Вас платить!”. То есть единственное, неудобно, что ты сам этого не делаешь. Но если такие активисты появляются, никто никогда не откажется». И самым распространенным ответом был усредненный вариант, что граждане не будут против оплаты полива, если эта плата будет умеренной.

В рамках проективной методики респондентам были предложены две воображаемые ситуации, по отношению к которым они должны были охарактеризовать свои мысли и чувства, а также наиболее вероятные действия. Ситуация 1: «Жарким летним днем Вы идете по улице города, покупаете в киоске мороженое и с удовольствием его съедаете. У Вас в руках остается этикетка, но поблизости нет урн, чтобы ее выбросить, или же все урны переполнены». Характеризуя свои мысли и чувства, 56,7 % опрошенных отметили, что раздражены тем, что власти нашего города экономят на урнах, 26,9 % недовольны тем, что наличие урн не обеспечили владельцы торговых точек, и 13,5 % никак не беспокоит данная ситуация. Предположения о наиболее вероятных действиях распределились следующим образом: вариант «Сунете этикетку в сумку (карман), чтобы выбросить ее дома» выбрали 51,7 % опрошенных, вариант «Будете упорно нести этикетку в руках, пока не встретите урну» — 45,3 % и «Бросите этикетку где придется, Вы же не виноваты, что нет возможности бросить ее в урну» — только 1,7 %. Из ответов участников фокус-групп можно привести самые интересные и нетипичные: «Я не исключаю и того, что могу просто выкинуть. Потому что меня очень сильно раздражает отсутствие урн. В знак протеста». Здесь проявляется черта, встречающаяся довольно часто: человек из-за злости на кого-то может причинить вред, в том числе самому себе. Еще одно мнение: «Урн нет только на каких-то окраинах, там нет инфраструктуры, тогда и я выброшу» подтверждает уже высказанное нами ранее предположение о том, что человек ведет себя по-разному в разных средах (на окраинах можно то, чего нельзя в центре). В дискуссии возникло также и рациональное объяснение возможных причин замусоренности жизненного пространства:

А: «Я вот не понимаю, почему возникает такая ситуация, когда стоит 4 бака, а мусор находится рядом с ними?»

Б: «Я вижу, что рядом с баками люди кладут, например, еду для животных, вещи. Так и возникают эти свалки. Возможно, люди таким образом разграничивают мусор».

То есть свалки мусора в жилой зоне возникают не только от бескультурья жителей, но и от попыток рационального использования ресурсов.

Ситуация 2: «Вы приехали отдохнуть на один из городских пляжей, но оказались неприятно удивлены обилием мусора, оставленного отдохавшими здесь ранее». 83,1 % респондентов раздражены «варварством» горожан, которые не могут убрать за собой, 15,1 % раздражены тем, что городские власти не следят за чистотой городских пляжей, и, в отличие от первого кейса, только 0,6 % опрошенных никак не беспокоит данная ситуация. Характеризуя свои действия в данной ситуации, 42,4 % отметили, что выберут участок для пикника и сами расчистят его от мусора, чтобы потом отдохнуть с комфортом. Интересно, что этот ответ является самым распространенным среди волгоградцев (44,9 %), а среди волжан только 18,8 % выбрали этот вариант. 34,9 % всех опрошенных (среди которых 32,7 % волгоградцев и 56,2 % волжан) выберут наименее замусоренное место и расположатся там для отдыха, 19,2 % уедут отдыхать в более приспособленное для этого место, например, на турбазу, и 2,3 % выберут любое понравившееся место, так как к мусору в городе они уже привыкли и он их давно не беспокоит. Наряду с городскими пляжами проблема замусоренности касается и диких пляжей, и других мест отдыха. Об этом говорили респонденты в фокус-группах:

А: «Проблема в том, что в таких местах нет урн, за ними никто не ухаживает. Хотя бы на выезде на трассу должны быть мусорные баки».

Б: «Андрей, это место удалено от города, туда люди пешком не приходят. Если ты приехал на машине, привез с собой продукты в упаковке, то ты можешь также их и увезти до мусорки. Если люди не могут довезти мусор до дома, почему ты думаешь, что они повезут его до трассы, если им удобнее здесь его и выбросить? Кроме того, приехали на пляж 200 человек, за полдня заполнили этот мусорный бак, это не Волгоград, кто вывезет этот мусор?». «А я могу сказать, что в моей жизни неоднократно бывали ситуации, когда мы с друзьями или с коллегами по работе приезжали на пикник, даже могу сказать вам место, это было на Ангарском, там есть какая-то гора вверх. Короче, мы приехали, а там была полянка очень хорошая, но замусоренная полностью. Первые 30 минут мы потратили на то, чтобы убрать эту полянку». «Когда к нам приезжают отдохнуть москвичи, неделю тут живут, и мусор весь с собой увозят. А наши приехали, напились, бутылок набили и уехали».

Последний вопрос основной части анкеты был посвящен мнениям горожан относительно самых действенных мер по улучшению экологической ситуации в Волгограде и Волжском. 66,9 % опрошенных считают наиболее действенной мерой воспитание экологической культуры в семье, 58,7 % — ужесточение наказания за экологические правонарушения, 36,6 % — воспитание экологической культуры институтом образования, 34,3 % — выделение дополнительных бюджетных средств на охрану окружающей среды, 24,4 % — развитие социальной рекламы, 23,8 % — совершенствование экологического законодательства, 15,7 % — развитие институтов гражданского общества.

В рамках фокус-групп респонденты довольно активно включились в проектирование таких мер. Молодые люди (18—24 года) предлагали креативные полушуточные решения: «Над мусорками сделать кольца баскетбольные, чтобы, подходя к мусорке, тебе хотелось попасть не мимо урны, а в кольцо и потом в урну. Или сделать звуковые индикаторы, например, бросаешь мусор в урну, и раздаётся какой-то звук. Люди начнут интересоваться, собирать мусор и бросать в урну. Надо заинтересовать человека, человек сам по себе ребенок». «В Японии очень интересно сделали, там использованной пластиковой бутылкой можно расплатиться за метро». Также молодежь считает самой эффективной мерой «наказание монетой». Респонденты постарше (25—34 года) предлагали наиболее рациональные и взвешенные меры: «Должны быть созданы открытые структуры, о которых все будут знать, куда можно обратиться, сказать, что у нас вот такая экологическая проблема. И эта структура будет решать эти проблемы. Я думаю, что она все-таки существует, но мы о ней плохо знаем». «По крайней мере, должен быть хотя бы телефон, куда можно позвонить и узнать, какой мусор куда выбрасывать. Например, я нахожусь за Волгой. Я звоню по этому телефону и говорю, что нахожусь на Лебяжьей Поляне, где я могу выбросить мусор? И мне сразу подсказывают ближайшую свалку. Или куда я могу выкинуть лампочки, батарейки, градусник? Куда я могу стройматериалы выбросить? Потому что я каждый раз ночью прокрадываюсь к мусорке и кладу их. Я знаю, что туда их класть, наверное, нельзя, но куда я их могу выкинуть? Я бы с удовольствием вывез свои строительные материалы в другое место, но куда их везти, я не знаю, и у кого спросить, тоже не знаю. Шины куда я могу выкинуть, в конце концов?». «А я еще за то, чтобы были разные баки, чтобы можно было сортировать мусор»; «Важно разрабатывать технологии переработки мусора. Можно построить заводы по его сжиганию, но от этого будет явный экологический вред, и еще не известно, лучше будет или хуже от сжигания мусора. А как его перерабатывать или уничтожать без сжигания, не придумано. А если в каждом городе будет стоять завод, уничтожающий мусор, то проблем будет меньше»; «В решении проблемы недостатка зеленых насаждений, с одной стороны, люди тоже могут поучаствовать, но, с другой стороны, люди могут что-нибудь не то посадить. У нас во дворе вязы посадили. С них какие-то жуки лезут. Либо все в Волгограде засадили тополями, которые вызывают аллергии. То есть это все было неправильно разработано. Должны быть исследования в этой области».

Меры, предложенные респондентами среднего возраста (35—54 года), были основаны, главным образом, на работе с молодежью, воспитании ее экологической культуры: «Были когда-то конкурсы на лучшую скульптуру из мусора. Дети собирали бутылки и все остальное. Это было весело, и дети реально видели результат своей деятельности. А там вузы. Вот у меня дочка сейчас учится в институте. Они ходят на субботники? Да они забыли вообще об этом, она говорит, что вон дворники, мы складываемся по 50 рублей в месяц, они у нас убирают вокруг вуза территорию. А могли бы, между прочим, сами, своими руками. Каждый выпускает дерево, например, сажает». «Вот мне кажется, стоило бы ввести предмет об экологическом воспитании хотя бы для того, чтобы если ребенок родился в той семье, в которой родители сами не сильно развиты экологически и мусорят, может быть, ребенок, впитав какие-то положи-

тельные знания в школе, стал бы вести себя по-другому. Но это если мы с вами говорим о минимальных мерах решения таких проблем, как замусоренность города. Дальше по поводу автомобилей. В городе много машин, потому что люди ездят одни. Общаться больше с соседями, с коллегами, с которыми, может быть, живете рядом. Вместе ездить. Или поискать какие-то форумы, какие-то сайты в Волгограде и Волгоградской области. Или создать эти сайты и форумы, соответственно продвинуть их потом через Интернет. Это же возможно. И чтобы на этих сайтах люди общались, знакомились и вместе ехали на работу, чтобы машин было меньше. Надо просто человека инициативного, который этим займется. У всех свои дела, свои проблемы, ни у кого не хватает времени. А если говорить о глобальных мерах, то, как я уже говорила ранее, по-моему, среди нас нет людей власть имущих, это все должны принимать органы более высокие». «Сейчас очень престижно и круто иметь большой джип, мощный автомобиль, заряженный мотоцикл. Это все очень неэкологично. Может быть, как-то поменять работу с молодежью в этом направлении, чтобы главные герои их любимых фильмов предпочитали велосипеды, лошадей».

Наконец, люди старшего возраста (55 лет и старше) от предложения каких-либо мер отказались, сказав, что «есть умные люди, они за это деньги получают».

Анализируя меры, предложенные респондентами, можно отметить ряд тенденций. Во-первых, экологические проблемы в глазах горожан сводятся, главным образом, к проблеме мусора и, в меньшей степени, проблеме зеленых насаждений. Во-вторых, люди продолжают рассчитывать в решении экологических проблем на какие-то структуры, власть имущих, каких-то абстрактных инициативных людей, поскольку им самим «некогда» этим заниматься. В-третьих, никто из респондентов не высказал личной готовности принять участие в реализации этих мер.

Последний вывод является ключевым. Судя по результатам проведенного исследования, в нашем городе живут люди, которые не мусорят, бережно относятся к природным ресурсам, переживают за состояние зеленых зон, качество воздуха, воды, продуктов питания. Но откуда же берутся экологические проблемы? Возможный ответ на этот вопрос стоит поискать в высказываниях самих респондентов. Одну из особенностей их рассуждений можно выразить формулой «Даже если бы я...». То есть респонденты недооценивают собственную роль в формировании окружающей среды: «Даже если сами горожане посадят 50 деревьев, это ничего не изменит», «Даже если я не буду мусорить, а все остальные будут, то все равно будет грязно», «Допустим, я посажу цветы под окнами, а дети или подростки их сорвут или вытопчут, мне будет обидно». Эти рассуждения являются поводом для отказа от каких-либо действий по причине их якобы бессмысленности. То есть, на наш взгляд, горожанам недостает оценки собственной значимости, это какой-то комплекс маленького человека, который выливается в личную безответственность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Дорошко О. М.* Современные подходы к определению понятия «Экологическая культура» // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskaya-kultura> (дата обращения: 13.11.2013).

2. *Андреев М. Д.* Экологическая культура как основа гармонизации отношений между обществом и природой // Успехи современного естествознания. 2009. № 7. URL: http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7783953 (дата обращения: 12.11.2013).

3. *Макаров А. И.* Проблема эстетической и экологической справедливости в городе // Социология города. 2012. № 3. С. 45.

1. *Doroshko O. M.* Sovremennye podhody k opredeniyu ponyatiya «Ekologicheskaya kultura» // Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem. 2012. № 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskaya-kultura> (дата обращения: 13.11.2013).

2. *Andreev M. D.* Ekologicheskaya kultura kak osnova garmonizatsii otnosheniy mezhdu obshchestvom i prirodoy // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2009. № 7. URL: http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7783953 (дата обращения: 12.11.2013).

3. *Makarov A. I.* Problema esteticheskoy i ekologicheskoy spravedlivosti v gorode // Sotsiologiya goroda. 2012. № 3. S. 45.

© *Болдина М. Ю., 2013*

*Поступила в редакцию
в декабре 2013 г.*

УДК 316

*К. А. Антипов***КОНФЛИКТНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА
И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ**

Рассматривается проблема конфликтного взаимодействия местной власти с гражданами. Отмечается, что, несмотря на необходимую близость местной власти к населению, сохраняется существенная дистанция между ее структурами и местным сообществом.

Ключевые слова:

социальный конфликт,
муниципальная власть,
местное сообщество,
гражданская активность.

*К. А. Antipov***CONFLICT INTERACTION
BETWEEN LOCAL COMMUNITY
AND MUNICIPAL AUTHORITIES**

The problem of conflict interaction between the local authorities and the citizens is considered. It is noted that, despite the required closeness of the local authorities to the population, a significant gap between their structures and local community remains.

Key words:

social conflict,
municipal authorities,
local community,
citizen activity.

Об авторе:

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, konstant77@mail.ru

Antipov Konstantin Anatolevich — Candidate of Sociological Science, Docent, Perm National Research Polytechnical University

Отношения между обществом и властью в нашей стране нельзя назвать доверительными и прозрачными, они пронизаны нитями взаимных претензий и подозрений. Реальная практика, социологические исследования, анализ периодической печати и интернет-ресурсов показывают, что дистанция между властью и обществом велика и тенденция по ее сокращению не прогнозируется экспертами. И углубляющийся, наоборот, разрыв между обществом и властью разных уровней разрушительно влияет на социальные, политические и экономические процессы. Таким образом, к существующей в России высокой поляризации и атомизации общества добавляется и высокая степень отчужденности граждан от участия в принятии решений на всех уровнях управления. А одним из существенных условий успешных преобразований заявленной модернизации является высокий уровень доверия между властью и народом, учет общественного мнения при принятии управленческих решений. Как показывает мировой, да и отечественный опыт, высокий уровень доверия власти может не только сгладить социальные и экономические проблемы, но и стимулировать их конструктивное решение.

Проблема доверия является, пожалуй, ключевой во взаимодействиях общества и власти. В случае высокого уровня доверия общество готово прощать власти многие недостатки: ограничение свобод, низкий уровень доходов, слабое развитие инфраструктуры и т. д. Утрата доверия приводит к тому, что даже положительные, отвечающие потребностям граждан действия и решения властей воспринимаются с сомнением, начинается поиск скрытых недостатков. То есть налаживание конструктивного диалога становится нереалистичным. Американский социолог Т. Парсонс отмечал, что доверие является ожиданием взаимности в осуществлении каких-либо действий и воспроизводство социальных отношений возможно только тогда, когда взаимодействие между отдельными членами не требует предоставления гарантий как обязательного условия этого обмена [1]. Футуролог и социолог Ф. Фукуяма указывал, что «доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам

окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [2]. Вот почему доверие рассматривается как фактор, поддерживающий устойчивость и интегрированность общества и его структур. Отношения общества и власти в современной России можно охарактеризовать как взаимное недоверие. А недоверие является благоприятной почвой для возникновения противоречий и конфликтов на различных уровнях.

Современные реалии показывают, что обновление политической публичной повестки дня первыми лицами государства и правящей партии, разработка новых экономических, социальных и политических программ не способны существенно повлиять на продолжающееся снижение уровня доверия общества по отношению к различным институтам и структурам власти. Все даже самое рациональное и правильное, предложенное властью, будет становиться (и уже становится) предметом всеобщей критики, насмешек, недовольства и неверия в возможность положительной реализации. Например, постоянное написание, обсуждение, обнародование планов борьбы с коррупцией, роста уровня благосостояния граждан, решения жилищных проблем граждан вызывает в обществе либо равнодушие, либо раздражение, но не уверенность в озабоченности власти решением данных проблем [3]. К сожалению, «исполнительная власть продолжает эксплуатировать сомнительные преимущества административного рынка, приравнивающего властные решения к любому другому товару и позволяющего власти оставаться в коррумпированной и криминализованной тени» [4].

Особенно значим вопрос доверия для местной власти как наиболее приближенной к повседневным, бытовым нуждам и интересам граждан. Тем более что механизмы формирования данной власти, влияния на нее у местного сообщества более широки, чем возможности граждан России по влиянию на власть федеральную или региональную. На местном уровне до сих пор сохраняется возможность пусть и ограниченной, но политической конкуренции, результат выборов менее запрограммирован, чем на уровне субъекта Федерации или во всем государстве, а успехи или неудачи муниципальной власти непосредственно отражаются на качестве жизни местного сообщества. Но тенденция снижения доверия к органам власти вообще отражается и на уровне местного самоуправления, в частности, порождая конфликтные ситуации, которые, с одной стороны, снижают положительную оценку власти, с другой стороны, способствуют вовлечению граждан во взаимодействие (пусть и конфликтное) с муниципалитетом. Однако конфликты на местном уровне не только свидетельствуют о накоплении противоречий между субъектами, но и могут быть показателем роста самосознания местного сообщества, гражданской активности. Конфликт часто является закономерным итогом противоречий, накапливающихся между местной властью и местным сообществом. Противоречия и проблемы вынуждают местных жителей становиться гражданскими активистами и реально использовать свое право на местное самоуправление.

Эксперты отмечают, что количество конфликтов между гражданами и муниципальной властью неуклонно возрастает. Причиной того, что граждане идут на конфронтацию с властью, является отсутствие позитивных примеров, практик отстаивания своих интересов, которые имели бы повторяющийся характер, т. е. воспринимались бы не как случайность, а как закономерность.

То есть у граждан сложилась установка, что посредством обращения в органы власти, к депутатам или иным специалистам местного самоуправления добиться решения своих проблем затруднительно. И наоборот, очевидным становится то, что лишь эскалация конфликта привлекает внимание как самой власти, так и контролирующих структур к имеющейся проблеме.

Многие российские населенные пункты и местные сообщества, в них проживающие, зависят от единственного расположенного на их территории предприятия, представляя собой моногорода (монопоселения). Можно согласиться с Ю. А. Лаамарти, что «малые города переживают период деградации и вымирания. Процессы распада локальных городских сообществ, разрушения городской инфраструктуры, сворачивание производственной базы и неразвитость местного самоуправления прочно вошли в жизнь малых городов еще в перестроечные годы» [5]. Поддержание жизни как населения, так и имеющейся инфраструктуры зависит от деятельности данных предприятий, что осознается местным сообществом. В небольших поселениях проявление социальной и политической гражданской активности является более ограниченным, в отличие от большого города с диверсифицированной экономикой, поскольку здесь больше возможности применения административного ресурса. Местные органы власти так или иначе связаны с руководством или собственниками «градообразующего» предприятия, а граждане опасаются потери работы в случае, если они будут отстаивать нарушенные свои или общественные права. Конфликт между местным сообществом и властью происходит, как правило, в случае наличия производственных проблем (невыплаты или задержка выплаты заработной платы, сокращения, закрытие предприятия), либо по причине проблем с инфраструктурой (отсутствие тепла, водоснабжения, некачественный ремонт дома и т. д.), либо нежелания власти вмешаться на стороне местных жителей в возникший конфликт. Подобную конфликтность мы видели в широко растиражированной истории с г. Пикалёво, куда приезжал президент В. В. Путин, демонстрируя способность к «ручному» управлению страной.

В подобных населенных пунктах местное сообщество является более сплоченным, имеет схожие общие интересы и потребности, но более инертно, чем городские местные сообщества. Кроме того, моногорода, как правило, — населенные пункты с отрицательной демографией, то есть трудоспособное население при наличии реальной возможности стремиться уехать. Особенно это касается молодежи, которой легче изменить жизнь, не связывая ее с угасающим поселением. В итоге мы редко видим в этих населенных пунктах протест против тяжелых условий жизни, против местного политического руководства. Зачем требовать изменений, когда ты жить здесь не собираешься? Зато в подобных моногородах часты конфликты на межэтнической почве, так как мигранты, по мнению жителей, усугубляют местные проблемы.

В крупных городах природа конфликтов власти с местным сообществом гораздо шире и возможность маневра власти гораздо меньше, как меньше и возможность прямого административного давления. Во многих крупных городах конфликт между местным сообществом и властью возникает через возникновение конфликта интересов местного сообщества с интересами бизнеса. Бизнес всегда ориентирован на извлечение максимальной прибыли, и его мало волнуют интересы горожан в отношении комфортной среды жизни.

Именно бизнес заинтересован в постройке промышленных или торговых объектов, точечной застройке, размещении коммерческих объектов на первых этажах многоквартирных домов, сокращении зон отдыха горожан для размещения своих объектов. Массовые обращения граждан в органы городской власти зачастую связаны с планами точечной застройки городских территорий. Граждане утверждают, что при разработке планов строительства не учитывается их мнение, результаты обязательных в данном случае общественных слушаний фальсифицируются или общественное мнение не берется в расчет вообще [6].

Конфликты между местным сообществом с одной стороны и бизнеса и власти с другой, разворачивающиеся в сфере градостроительной политики, повторяются во множестве городов России, хотя особую активность в отстаивании своих прав проявляют жители городов-миллионников. Это и неудивительно, так как крупный бизнес концентрируется преимущественно в крупных или близких к крупным городам территориях. Власть, как правило, первоначально встает на сторону бизнеса, давая разрешения, подписывая необходимые бумаги, и если не возникает пересечения интересов местного сообщества и власти, то до конфликта дело не доходит. Но пересечение интересов, нарушение прав местного сообщества происходит достаточно часто, вследствие чего возникает конфликт. В ходе него пассивное местное сообщество относительно быстро самоорганизуется и начинает отстаивать свои интересы или восстанавливать нарушенные права. Местная власть довольно часто идет по пути игнорирования общественного мнения, не учитывает значимые интересы местного сообщества. По данным наших исследований по проблемам местного самоуправления, проведенных в 2009 и 2013 гг. в Пермском крае, на вопрос в анкете: «Как вы считаете, прислушивается ли местная власть к жителям?» были получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1
Оценка респондентами обратной связи с муниципальной властью (%)

Прислушивается ли местная власть к жителям?	2009	2013
Да, мнение жителей для власти важно	3,5	4,5
Иногда прислушивается	63,5	64,5
Нет, не прислушивается, она не заинтересована в этом	25,6	25,3
Затрудняюсь ответить	6,9	5,1
Не ответили	0,5	0,6

Из этих данных видно, что каждый четвертый респондент считает, что власть не проявляет интереса к мнению граждан. Нельзя не обратить внимание на относительно большой процент тех, кто затруднился дать ответ на поставленный вопрос. Муниципальная власть действительно не всегда улавливает те «сигналы», которые посылает ей местное сообщество. Отсутствие системы учета общественного мнения отчасти может сглаживать появление различных консультативных и экспертных советов, общественных палат при органах муниципальной власти, хотя во многих случаях они являются «декоративными» институтами, не способными влиять на реальную муниципальную практику. Их рекомендации также далеко не всегда являются ориентиром для муниципальной власти, так как могут расходиться с интересами местной властной и финансовой элиты.

Несмотря на очевидную пассивность большинства граждан по отношению к местной политической и общественной жизни, действия тех или иных субъектов, нарушающих привычный образ жизни или среду обитания, заставляют граждан интуитивно искать различные формы противодействия и самоорганизации. Причем самоорганизация происходит снизу, от «рассерженных обывателей», а не местных политиков, которые, в свою очередь, пытаются использовать общественную активность граждан лишь в своих интересах. Такая конфликтная самоорганизация все чаще встречается в современной России и сильно ударяет по авторитету местной власти. Причинами такой самоорганизации могут быть: уничтожение прилегающих лесных массивов (г. Химки, Московская область); возведение объектов, не устраивающих местных жителей; проблема межнациональных и межконфессиональных отношений (г. Кондопога, Карелия; Москва; с. Карагай, Пермский край; п. Демьяново, Кировская область и др.); снос историко-архитектурных объектов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.); распространение наркотиков (Екатеринбург). Особенности такой активности является то, что наметившаяся проблема непосредственно затрагивает социальную среду проживания местных жителей, вне зависимости от их социально-экономического статуса. Эскалация конфронтации происходит тогда, когда местные власти либо закрывают глаза на возникшую проблему, либо стоят на позициях противостоящей жителям стороны (бизнесменов, национальных диаспор, корумпированного чиновничества).

Наиболее опасными являются межэтнические конфликты на местном уровне, происходящие часто по причине нежелания местных властей вовремя реагировать на социальную напряженность, возникающую между коренным и приезжим населением. Местная власть не прогнозирует те изменения, которые может повлечь миграция представителей других этносов, или просто рассчитывает на то, что напряженность сама собой разрешится. Редкая неделя проходит в СМИ без освещения очередного национального конфликта в виде противостояния местного сообщества с одной стороны и агрессивных «чужаков» с нерешительной местной властью с другой. Недавний резонансный межэтнический конфликт в г. Пугачёв (Самарская область) тому подтверждение. Органы местного самоуправления и полиция в большинстве российских городов не имеют представления, как обычная бытовая драка может спровоцировать серьезный межнациональный конфликт. И это несмотря на постоянно накапливающийся негативный опыт. В то же время даже западные политики, ранее декларирующие политику мультикультурализма, стали все чаще замечать в ней существенные недостатки. Между тем, подобные конфликты серьезно подрывают авторитет местной власти, не готовой к регулированию конфликтов подобного рода.

При возникновении конфликта между местным населением и «приезжими», как показывает современная российская практика, усиленно замалчивается природа конфликта, категорически отрицается его «национальная» составляющая. Зачастую отвергается и само наличие конфликта. Это связано с тем, что федеральная власть упорно отрицает наличие у нас в стране серьезных межэтнических проблем, отвергает формулировку «межэтнический конфликт», списывая все на «бытовой конфликт или криминальные разборки». Действительно, очень часто конфликт имеет бытовую природу, но, происходя

на фоне напряженных межэтнических отношений, перерастает в конфликт межэтнический.

Местное сообщество, втягиваясь в подобный конфликт, в отличие от местной власти, списывает его причины именно на межэтническую природу. Самоустраняясь от решения подобного конфликта и замалчивая его, местная власть окончательно девальвирует свой авторитет среди местного сообщества. Региональная власть, как правило, реагирует на него, когда либо начинаются беспорядки, либо информация стремительно распространяется в Интернете. В ходе данных конфликтов местное сообщество сплачивается, самоорганизуется не только по этническому признаку, но и на основании негативизма к власти, оказавшейся неспособной решить проблему.

Более локальными и менее резонансными являются конфликты между бизнесом и властью с одной стороны и местным сообществом с другой. Условно доступ в зоны отдыха, размещение вблизи жилых домов производственных объектов, разрушение исторических зданий для строительства торговых центров вынуждает граждан самоорганизовываться для отстаивания своих интересов. Сюда можно отнести и различные другие локальные протесты, связанные с точечной застройкой территории, обманом дольщиков и др. Наибольшим образом данные конфликты характерны для крупных городов, где всегда имеются общественные организации, занятые экологической, природоохранной, историко-культурной деятельностью. Но не всегда местное сообщество использует подобные организации изначально. Они могут просто присоединяться к самоорганизованным группам, оказывая им необходимую поддержку.

Местная власть также использует рычаги давления на местный бизнес, принуждая его к социальной ответственности. Средства бизнеса нередко привлекаются не только на строительство и реконструкцию социально значимых объектов, но и на покрытие долгов, то есть на прямое выполнение муниципальных обязательств. Бизнесу могут навязать и содержание местной спортивной команды, организацию общегородских праздников и т. д. Не желая портить отношения с муниципальной властью, местный бизнес вынужден участвовать в подобных «проектах». Не следует забывать и тесную связку местной власти и бизнеса во многих городах. Поэтому в случае возникновения конфликта между местным сообществом и бизнесом власть обычно встает на сторону последнего. Характерный конфликт между местным сообществом и интересами бизнеса происходил в 2013 г. в г. Новохоперске (Воронежская область), где местное сообщество выступило против решения о добычи никеля. Местная власть, заинтересованная в приходе в район крупного инвестора, встала на противоположные позиции. Игнорирование общественного мнения привело как к митингам, где звучали требования отставки власти, так и порче имущества инвестора. И таких конфликтов достаточно много, просто многие из них носят локальный характер.

Конфликты на местном уровне неизбежно порождают гражданских лидеров, инициативные группы, вокруг которых происходит дальнейшее сплочение жителей. Самоорганизация начинает снижаться после того или иного решения проблемы. Но даже такая самоорганизация опасна для местных органов власти, особенно если информация о ней выходит за пределы населенного пункта, а тем более региона. Известны примеры, когда подобная кон-

фронтация начинала приковывать внимание региональной власти, федеральных политиков и даже руководителей государства. Жители видят, что через протесты, противостояние можно привлечь внимание к своим проблемам или даже решить их. В рамках такого конфликта может происходить постепенная политизация ранее аполитичных жителей, которые начинают высказывать недовольство не только местной властью, но и неспособностью самой государственной машины реагировать на ситуации.

Интересно, что именно Интернет стал существенным каналом самоорганизации на почве социально-политической активности противостояния власти. Постоянно растет число граждан, получающих информацию о местных проблемах и решениях местных органов власти из сети Интернет, и снижается число лиц, получающих информацию из местных газет и телевидения, что видно из данных наших исследований 2002, 2009, 2013 гг., охвативших в совокупности 2614 респондентов от 18 лет, проживающих в Пермском крае [7] (табл. 2).

Таблица 2

Источники получения информации о деятельности местной власти (%)

Источник информации	2002	2009	2013
Телевидение	75,3	65,4	75,5
Местные газеты	52,6	44,2	37,9
Радио	34,2	28,6	15,4
Разговоры со знакомыми	25,4	28,2	38,0
Встречи с представителями власти	9,2	6,0	4,2
Интернет	5,0	12,2	50,6
Другое	4,1	3,2	4,1
Не ответили	4,2	7,4	6,3

В ходе конфликта местная власть воспринимается жителями как враждебная сила, с которой следует бороться. Можно утверждать, что уровень информированности граждан снижается в глубинке, особенно в небольших населенных пунктах, что связано с недоступностью многих источников информации. Например, многие из районных, ведомственных газет прекратили свое существование из-за нерентабельности. Значит, главными источниками информации становятся разговоры со знакомыми, родственниками. Зачастую события, происходящие за рубежом или в центре страны, становятся более интересными и близкими гражданам, чем местные события.

Враждебность, нередко необоснованная, к любым действиям и инициативам властей создает благоприятную среду для акций протеста. При низком уровне общей поддержки властей любой, даже незначительный повод может вылиться в протестные действия. Количество протестных акций локального характера неуклонно растет в российских регионах, причем протесты касаются именно условий жизни граждан и не носят политического характера, как акции оппозиции в Москве и Санкт-Петербурге в конце 2011 — начале 2012 гг.

По нашему мнению, большинство из этих конфликтов реализуется в силу неумения или нежелания муниципальных властей «работать с людьми». Исследования местного самоуправления показывают, что граждане вменяют

муниципальной власти в вину игнорирование их мнения. Согласно нашему последнему исследованию, проведенному в 2013 г., в ответ на открытый вопрос о недостатках местной власти 39,2 % из числа ответивших указали, что «власть занимается своими делами, игнорирует нужды жителей». Большинство граждан недовольно тем, как муниципальная власть решает их проблемы и принимает решения.

Общественно-политическая активность населения, в том числе и базирующаяся на конфликтной основе, несомненно, будет возрастать. Пока значительная часть активного населения не готова принимать участие в политических акциях протеста, но при этом многие граждане готовы присоединиться к протестам в случае «неблагоприятных изменений в их повседневной жизни», снижения уровня комфорта. Вместе с тем участвовать в локальных акциях протеста готова значительная часть опрошенных респондентов. С учетом неблагоприятных экономических, политических прогнозов на период 2012—2015 гг., повышения тарифов ЖКХ, снижения числа квалифицированных рабочих мест, увеличивающейся миграции и продолжающегося упадка системы здравоохранения и социального обеспечения в провинции можно ожидать и роста конфликтов. Выделяя различные причины конфликтного взаимодействия местного сообщества и муниципальной власти, нельзя не видеть одну из главных причин — «архаичность» российского общества, его отсталость практически во всех сферах жизни [8].

Таким образом, эффективное и бесконфликтное взаимодействие местного сообщества и местной власти возможно обеспечить лишь через модернизацию общества, политики и экономики. Не случайно именно такая стратегическая цель поставлена современной государственной властью в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 21.
2. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ; НПП «Ермак», 2004. С. 52.
3. Проблема коррупции в России // Опрос фонда «Общественное мнение». 2012. 13 апреля. URL: <http://wwwhttp://fom.ru/obshchestvo/10406>. (дата обращения: 25.07.2013).
4. Местное самоуправление в посткризисной России. Формула развития. Сборник статей: 1987—2005. М. : Архитектура-С, 2005. С. 15.
5. *Лаамарти Ю. А.* Актуальные проблемы малых городов России // Социология города. 2011. № 2. С. 11—12.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2010. С. 30.
7. *Антипов К. А.* Информированность местного сообщества о деятельности муниципальной власти // Управление мегаполисом. 2011. № 6. С. 123.
8. *Антипов А. Г.* Российское общество: пути модернизации и инновации // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 5. С. 105.

1. *Parsons T.* Sistema sovremennykh obshchestv / per. s angl. M. : Aspekt Press, 1998. S. 21.
2. *Fukuyama F.* Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu. M. : AST; NPP «Ermak», 2004. S. 52.

3. Problema korruptsii v Rossii // Opros fonda «Obshchestvennoe mnenie». 2012. 13 aprelya. URL: <http://wwwhttp://fom.ru/obshchestvo/10406>. (data obrashheniya: 25.07.2013).
4. Mestnoe samoupravlenie v postkrisisnoy Rossii. Formula razvitiya. Sbornik statey: 1987—2005. M. : Arkhitektura-S, 2005. S. 15.
5. *Laamarti Yu. A.* Aktualnye problemy mal'kh gorodov Rossii // Sotsiologiya goroda. 2011. № 2. S. 11—12.
6. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2010 god. M. : Obshchestvennaya palata Rossiyskoy Federatsii, 2010. S. 30.
7. *Antipov K. A.* Informirovannost mestnogo soobshchestva o deyatelnosti munitsipal'noy vlasti // Upravlenie megapolisom. 2011. № 6. S. 123.
8. *Antipov A. G.* Rossiyskoe obshchestvo: puti modernizatsii i innovatsii // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2011. № 5. S. 105.

© Антипов К. А., 2013

*Поступила в редакцию
в августе 2013 г.*

УДК 72.034/.035(571.1/.5)+
75.034/.035(571.1/.5)

А. Г. Туманик

**ФОРМИРОВАНИЕ
РУССКОЙ АРХИТЕКТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
СИБИРИ В XVIII —
НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

В отсутствие в современном отечественном искусствознании опыта комплексного исследования исторического процесса становления и развития русской архитектурно-градостроительной и художественной культуры на территории Сибири дается краткая научная характеристика основных черт русской практики градостроительства, архитектуры и изобразительного искусства в крае, сложившихся в XVIII — начале XIX вв. в рамках трансформации средневековой русской культуры в национальную культуру имперской эпохи.

Ключевые слова:

архитектурная и градостроительная практика, русские остроги, традиции деревянного зодчества, каменное строительство, архитектурно-планировочная структура, типология жилой застройки, промышленная архитектура, архитектурная стилистика, барокко, классицистическая модернизация, преемственность, регулярное градостроительство, проекты перепланировки, изобразительное искусство, церковная живопись, школы иконописания, иконографическое своеобразие.

A. G. Tumanik

**DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
ARCHITECTURAL
AND ART CULTURE
IN SIBERIA IN XVIII —
THE BEGINNING OF XIX CENTURY**

К сожалению, в настоящее время в активе отечественной науки по-прежнему отсутствует опыт комплексного исследования процесса становления русской архитектурно-градостроительной и художественной культуры на территории Сибири — процесса, занявшего более двух столетий, но итогом своим имевшего фактическое распространение и укоренение основной практики русской национальной культуры на громадном новом пространстве от Урала до Тихого океана и от Заполярья до Средней Азии. (Здесь важно подчеркнуть, что и географическое, и государственно-политическое, и социокультурное толкование понятия «Сибирь» в исторической России — то есть в России до переворота 1917 г. — было принципиально более широким, чем в советское и постсоветское время, и охватывало практически всю азиатскую часть территории Российской империи, за исключением ее среднеазиатских владений, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства.) При этом до сих пор еще от времени до времени в научный оборот на уровне серьезных научных открытий вводятся объективно новые результаты исследований, связанных лишь с базовой — фактографической реконструкцией крупных фрагментов данного процесса, что может свидетельствовать только о том, что для всеобъемлющей историко-теоретической разработки темы русской архитектурно-художественной культуры Сибири (а значит, и всей азиатской России) еще не существует и в ближайшей перспективе, вероятно, не будет создано необходимых условий...

1. Архитектурно-градостроительная практика Сибири в XVIII — начале XIX вв. Периоду начального русского освоения Сибири, длившемуся более столетия и завершившемуся на рубеже XVII—XVIII вв., соответствовала географически обширная градостроительная и архитектурная практика, опиравшаяся на многовековые традиции народного деревянного зодчества. Исторической основой типологического разнообразия архитектурных систем русских поселений в крае явилось укрепленное срубное зимовье — исходный массовый тип русского оборонительного сооружения. Из сруба зимовья сформировались крепостные башни, из его тыновой ограды — острожные стены различных типов и конструкций. В течение

In modern national Art Studies there is no any experience of complex research of historical development process of the Russian architectural and town-planning and art culture on the territory of Siberia. Because of this reason a brief scientific description of the main features of the Russian experience of town planning, architecture and fine arts in the region, developed in XVIII – the beginning of XIX centuries within the process of turning of medieval Russian culture into the national culture of the empire epoch is given.

Key words:

architectural and town-planning experience, Russian jails, traditions of wooden architecture, stone construction, architectural and planning structure, typology of housing development, industrial architecture, architectural stylistics, Baroque, classical modernization, succession, regular town planning, re-planning projects, fine arts, church painting, schools of icon painting, iconographic diversity.

Об авторе:

Туманик Артемий Геннадьевич – доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, colonel2@mail.ru

Tumanik Artemiy Gennadevich – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Architecture, Professor, Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts

XVII в. русские крепости Сибири приобрели размеры и формы, соответствующие традиционному русскому оборонному зодчеству. Для сибирских крепостей были характерны геометрически правильный — в форме квадрата или прямоугольника — план, расположение башен на углах и в центрах прясел стен. Эти первоначальные черты градостроительной «регулярности» могли быть искажены лишь особо сложными топографическими условиями, в которых возводились укрепления. Наиболее значительными в функциональном и архитектурном отношениях элементами фортификационных систем являлись башни: в условиях неразвитости первоначальной внутрикрепостной застройки они использовались не только для нужд обороны, но и в качестве жилых, административных и даже храмовых построек. Именно башенная архитектура позволила установить общность метода пропорционирования и модульный характер композиций крепостных сооружений Сибири, возводившихся в едином масштабе, на основании единого принципа соразмерности. Общее решение объектов оборонного зодчества в крае чаще всего свидетельствовало об использовании традиционных русских приемов строительства в сочетании с выработанной под влиянием местных условий спецификой архитектуры, выраженной в значительном распространении на севере Сибири облегченных конструкций тыновых стен укреплений, в применении переносных стен («щитов») для ограждения острогов в походных условиях и др.

Фрагментарный опыт каменного строительства характерен во второй половине XVII в. лишь для западной части Сибири, где уже в это время на основе деревянных острогов, поставленных русскими первопроходцами, начинают строиться каменные крепости, такие как Тобольск и Тюмень. При этом подавляющее большинство русских городов, заложенных на территории Сибири в XVII в. и ставших очагами развития традиций русского зодчества в крае, на протяжении всего следующего столетия и вплоть до первых десятилетий XIX в. как в посадско-слободском, так и в крепостном сегменте их архитектуры оставалось полностью лишенным каменных строений.

Заказчиком каменного строительства в Тобольске, ставшем административным и духовным центром русского Зауралья, выступила Церковь:

митрополичья палата, ставшая, вероятно, первым каменным зданием не только в истории города, но и всей Сибири, была возведена в 1674 г. на территории центра церковной администрации — Софийского двора — по распоряжению митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия. Церковью же, в связи с опустошительным пожаром, в 1677 г. полностью уничтожившим посад, острог и Софийский двор деревянного Тобольска и побудившим русское правительство указать сибирским воеводам на необходимость восстанавливать город в камне, было инициировано строительство первого в Тобольске и Сибири каменного храма — кафедрального собора Святой Софии, прототипом («образцом») которого явилась архитектура монастырской Вознесенской церкви Московского Кремля. Пятиглавый, с четырехскатным, а не позакомарным покрытием, Софийский собор, возведенный артелями каменщиков и «кирпичников» из Москвы и Великого Устюга во главе с каменных дел подмастерьями Герасимом Шарьпиным и Гаврилой Тютиным к 1686 г., не стал повторением «образца», сохранив с ним лишь типологическую связь и войдя в круг монастырских и городских храмов XVI—XVII вв., представленный Софийским собором Вологды (1568—1570 гг.), Успенским собором Троице-Сергиева монастыря (1585 г.), Благовещенской и Воскресенской церквями Каргополя (конец XVII в.) [1]. Следствием создания в старом кремле Тобольска монументального каменного храма явилась начатая на рубеже XVII—XVIII вв. по проекту и под руководством С. У. Ремезова масштабная реконструкция в камне всего крепостного комплекса города (рис. 1), а также составленная в 1699—1701 гг. С. У. Ремезовым при участии его отца У. М. Ремезова и сыновей «Служебная чертежная книга Сибири», фактически первый русский профессиональный научно-методический труд по архитектуре.

Рис. 1. Тобольск. Кремль. Конец XVII — начало XVIII вв. Общий вид. Современная фотография

Начало каменному строительству в Тюмени положил Сибирский приказ, после пожара в деревянной крепости в 1695 г. предписавший воеводе О. Я. Тухачевскому строить каменный кремль. Практически приступить к исполнению этого распоряжения из-за нехватки профессиональных кадров (большинство из немногих местных «кирпичников» ранее ушли на строительство Тобольска) и отсутствия на месте кирпичного производства удалось

лишь в 1700 г.; при этом первыми каменными зданиями Тюмени стали соборный храм Благовещения Господня и его колокольня, завершенные в 1704 г. По решению и под контролем Сибирского приказа, организовавшего поставку в Тюмень из Москвы формовочных станков, еще в 1701 г. в городе был начат выпуск белой (желтой) и синей строительной черепицы, а позднее — и цветной изразцовой плитки, что позволило при отделке фасадов собора широко использовать керамические детали: купол центральной главы храма был покрыт желтой черепицей, а стены собора украсили зеленые и фиолетовые изразцы, содержавшие рельефный растительный и животный орнамент. Тюменский Благовещенский собор сохранялся более двух веков, но был разобран из-за приближения к нему осыпавшегося берега р. Туры [2].

Третий древнейший город Западной Сибири — Томск — на протяжении всего XVIII в. оставался деревянным. По свидетельству Г. Ф. Миллера, в 1734 г. город представлял собой бревенчатую, построенную «по образцу деревянных домов» четырехугольную крепость, длина которой составляла 50, ширина — 30 сажень. На углах острога и над двумя его воротами размещались башни, снабженные артиллерией; седьмой башней городских укреплений служила колокольня Троицкой церкви, встроенная в крепостную стену. Острог «с башнями и церквями», стоявший на Воскресенской горе, и занимавший соседний холм мужской Алексеевский монастырь возвышались над плотно и бессистемно застроенной ветхим жильем низменной территорией слобод. Застройка самой крепости также оставалась хаотичной, ей соответствовала неправильная сетка коротких и криволинейных улиц [3].

Рис. 2. Иркутск. Церковь во имя Христа Спасителя (Спасская). 1706–1710 гг. Общий вид. Современная фотография

На территории Восточной Сибири каменное строительство и связанная с ним модернизация исходных планировочных систем русских поселений были открыты лишь в 1700-е гг.; первые каменные постройки — здание Приказной

палаты (иначе — воеводской канцелярии, 1701—1704 гг.), поставленное около северо-восточной угловой башни крепости, и Спасская церковь (1706—1710 гг.) (рис. 2), встроенная в юго-восточную стену кремля, — появились в Иркутске; обе фактически вошли в комплекс крепостной архитектуры. Пожар 1716 г., разрушивший часть острожной стены, уничтоживший ряд строений внутри кремля и на территории посада, привел к очередной перестройке крепости, которая в целом, однако, осталась деревянной, и новому строительству на посаде, где в 1718 г. на месте сгоревшего деревянного собора Богоявления Господня был заложен каменный храм.

Еще позже каменное строительство было начато в Красноярске. Оставаясь деревянной крепостью, разделенной на «малый» (собственно крепостной) и «большой» (посадский) остроги, город в первой половине XVIII в. стал активнее развиваться в слободской части, приобретающей все большую функциональную самостоятельность и формировавшей собственную архитектурно-планировочную структуру; на территории посада в этот период образовалась обширная торговая площадь, были возведены здания ратуши и гостиных рядов, а в 1753 г. в камне была перестроена деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. К западу от нового — посадского — центра города возникла и новая слобода, определенная несколькими улицами и планомерно застроенная одно- и двухэтажными деревянными жилыми домами в «архангело-вологодском» «стиле».

Преобладающий характер практики деревянного строительства на территории Сибири в XVIII в. определил существенное функциональное, типологическое и художественное развитие деревянного зодчества края.

В первой половине XVIII в. в рамках политико-административной, социально-экономической практики государства началось активное освоение южно-сибирских земледельческих районов. Мощным стимулом для процесса расселения здесь явилось развитие горнодобывающей и металлургической промышленности, появление крупных предприятий мануфактурного типа. В производственных постройках в течение XVIII в. сформировался тип пролетного здания каркасной деревянной конструкции, с «заплотными» стенами. В результате усложнения промышленных технологий и укрупнения заводских сооружений сложились типы двухпролетного, П-образного и Ш-образного производственных корпусов, однако деревянная промышленная архитектура края оставалась абсолютно утилитарной, характеризуясь лишь значительным масштабом, целостностью объемно-пространственной композиции и типологической выразительностью.

Архитектурный процесс в Сибири в XVIII в. в целом сохранил основные типы жилых построек (избы-клетки, избы-связи, дома «глаголем»), сложившиеся в русском зодчестве к началу XVII в. и распространившиеся в течение века на освоенной территории края и в городской (посадской), и в сельской застройке. Русское жилище в Сибири оставалось близким среднерусскому и северорусскому жилищу Европейской России. При относительно постоянстве состава жилой усадьбы собственно жилые постройки либо образовывали функциональное единство с постройками двора, окруженные вместе с ними глухим частоколом, «заплотом», либо с целью их защиты соединялись с хозяйственными строениями, которые прирубались к ним.

Православные храмы первых русских поселений Сибири часто размещались в «мостах» «воротных» крепостных башен, иногда их постройки, подобно башням, включались в периметр острожных или монастырских стен. Самым распространенным типом церквей в Сибири XVII — начала XVIII вв. являлись одноглавые шатровые храмы, воплощавшие органическое единство конструктивной и художественной основ архитектурной формы. Деревянное храмовое зодчество Сибири в XVIII в., сохранив прежние типологические особенности, утратило признаки стилового единообразия, сближавшего его с православно-церковной архитектурой центральных и северных территорий Европейской России: на практику сибирского храмостроительства распространилось значительное влияние столичного — московского и петербургского, а также малороссийского церковного зодчества эпохи барокко (рис. 3). При этом отсутствие в Сибири в XVIII в. профессиональных архитекторов снижало качество композиционных и художественных (стилистических) решений церковных построек.

Рис. 3. Тюмень. Церковь (в настоящее время — кафедральный собор) во имя Знамения Божией Матери (Знаменская). 1768—1801 гг. Основной (храмовый) объем ансамбля. Современная фотография

Во второй половине XVIII в. сформировалась долговременная политика государства, направленная на совершенствование исторически сложившихся архитектурно-планировочных систем русских поселений в соответствии с принципами регулярного градостроительства. Проекты перепланировки и перестройки большинства сибирских городов, разработанные в губернских центрах — Тобольске и Иркутске — силами местных геодезистов и землемеров и утвержденные к реализации лишь в 1795—1798 гг., были слабо согласованы с составленными ранее «фиксационными» планами городов региона, отличаясь при этом однотипностью, схоластической правильностью формы, симметрией и, соответственно, абстрагированностью от конкретных природных условий. Лишь важнейшие города Сибири — Тобольск, Иркутск, Якутск — сохранили в подобных проектах в качестве основ свои исторические планировочные структуры, в зависимости от которых на смежных с ними свободных территориях была произведена разбивка новых регулярных кварталов. Практически же регулярное градостроительство в крае возникло в новых поселениях на южных границах государства, где в XVIII в. оборонительные комплексы, оставаясь деревянными, возводились по правилам передовой фортификации — на основе бастионных систем, с регулярной планировкой прилегавших к ним форштадтов. Военно-административным центром линейной оборонительной системы на юге Западной Сибири стала Омская крепость, основанная в 1716 г., а в 1782 г. с поселением при ней получившая статус города (рис. 4).

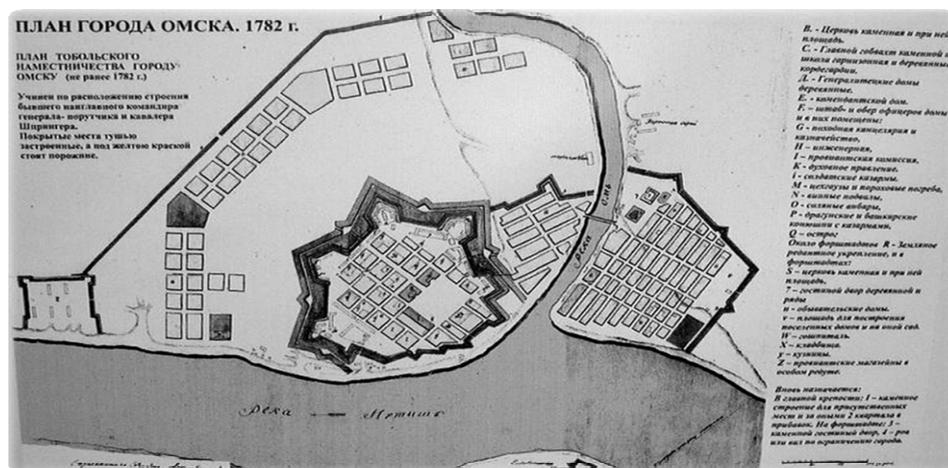

Рис. 4. Омск. Крепость и посады. Фиксационный план. 1782 г. Современная копия

Реконструкция крепости и развитие территории ее посада на основании проекта военного инженера Малма (1765 г.) к концу XVIII в. привели к сложению в центре Омска масштабного и художественно выразительного ансамбля каменных построек административного и жилого назначения, объединенных высотной композицией пятиглавого, с трехъярусной шатровой колокольней, каменного соборного храма Воскресения Христова [4].

В преемственной архитектурно-градостроительной практике России начала XIX в. большое значение приобрели мероприятия, предусматривавшие «типизацию почти всех видов жилых и казенных зданий, выработку определенных регулярных планировочных решений, строительных правил и норм, которые во многом упорядочивали городское строительство и особенно застройку центральных кварталов, улиц и площадей» [5]. В 1820-е гг. начался новый этап архитектурно-планировочного развития сибирских городов: в соответствии с разработанными и утвержденными для большинства из них перспективными генеральными планами «второго поколения» дальнейшее совершенствование и развитие получили их первоначальные регулярные планировочные структуры, комплексный характер приобрело формирование капитальной каменной застройки центральных частей городских территорий. Эти процессы, а также широкое внедрение в практику городской застройки «образцовых» проектов зданий различных типов, выполнявшихся в идейно-стилистических границах классицизма, активное участие в архитектурно-планировочном развитии городов региона со второй половины XVIII в. профессиональных зодчих, в том числе и ведущих столичных, таких как Д. Кваренги (Гостиный двор (1777 г.) и дворец К. М. Сибирякова (1804 г.) в Иркутске), Л. Руска («фасады образцовых домов» для городской застройки (1810-е гг.)), В. И. Гесте (генеральные планы Омска (1829 г.), Томска (1830 г.), Красноярска (1828 г.); «фасады образцовых домов» для городской застройки (1810-е гг.)), В. П. Стасов (храм Святого Николая («Казачья» церковь) в Омске, 1840 г.; «фасады образцовых домов» для городской застройки (1810-е гг.)) и др., преобразили архаический архитектурно-градостроительный ландшафт Сибири, масштабной классицистической модернизацией привели его в соответствие с духом и формой современной архитектурной культуры России.

2. Изобразительное искусство Сибири в XVIII — начале XIX вв. Основным компонентом художественной культуры Сибири на протяжении первых двух веков русского освоения края оставалась церковная живопись, которая как в XVII, так и в XVIII в. не могла быть и не была ощутимо потеснена изобразительным искусством нерелигиозного содержания и назначения. На том же, что русская иконопись и как творческая практика, и как ее результат уже к середине XVII в. оказалась прочно связанной с местной, сибирской «почвой», следует уверенно настаивать хотя бы в связи с объективной обособленностью друг от друга и в рассматриваемый исторический период, и в более позднее время процессов жизнедеятельности русского населения европейской части России и Сибири. Подобно зодчим-храмостроителям, строившим церкви в степной и таежной глуши, художники-иконописцы создавали свои произведения там, где поднимались сибирские храмы, с опорой на своеобразие сформировавших их местных иконописных школ. Одним из первых и крупнейшим в крае творческим и учебным центром иконописания в XVII—XVIII вв. являлся Тобольск, где еще в начале 30-х гг. XVII в. при архиерейском доме были открыты мастерские, специально предназначенные для творчества церковных художников (иконописцев и резчиков по дереву) и обучения детей искусству иконописи и деревянной резьбы. Известно также, что во второй половине XVII в. иконописцы работали и в монастырях Тобольской епархии, имевших «по примеру архиерейского дома» «своих иконописцев

или из своих вотчинных крестьян и монастырских служек, или из своих послушников и монашествующих», и во всех относительно крупных городах Сибири [6], где, вероятно, также существовали возможности для передачи от поколения к поколению профессиональных навыков изобразительного творчества. К наиболее характерным признакам иконографического и стилистического своеобразия церковной живописи Сибири второй половины XVII — начала XVIII вв. следует отнести отражение в ряде иконописных образов этнических внешних черт аборигенного населения края, таких как широкоскулое лицо, восточноазиатский разрез глаз, вислые татарские усы, и объемность иконописных изображений лиц и фигур святых; подобные особенности, несомненно, связаны с попытками адаптировать произведения религиозной живописи к эстетическим потребностям коренных народов Сибири, знакомившихся с православной культурой (рис. 5).

Рис. 5. Святые апостолы Петр и Павел. Сибирская икона начала XVIII в.

С началом XVIII в. связано проникновение в церковную художественную культуру Сибири барочных черт, причем иных по происхождению и сформировавшихся ранее, чем стилистические свойства «петровского» барокко. Речь идет о влиянии на творчество сибирских художников этого времени барочных традиций малороссийского и белорусского происхождения, которые определили вкусы новых верховных архиереев Сибири как уроженцев западных регионов России, выпускников Киевской Духовной академии. Так, в 1710 г. по решению митрополита Сибирского и Тобольского Филофея

(Лещинского) незадолго до этого завершённый иконостас кафедрального Софийского собора в Тобольске был заменен резным барочным, для изготовления которого владыка, напрямую обращавшийся за помощью к царю Петру I, получил из казны 1000 рублей [7].

История сохранила имена многих «иконников», работавших в Сибири в первой половине XVIII в.: в Тюмени в 1711 г. были отмечены как «мастеровые люди иконописцы» М. Ф. Стрекаловский и конный казак Н. Котельников; в 1712 г. в Тобольске работал иконописец С. Х. Ремезов «с товарищами», из которых четверо были живописцами, пятеро — иконописного дела подмастерьями и один — резчиком по дереву; в середине века подрядчиками на изготовление икон занимались жители тобольского посада Черепановы, И. Отласов, А. Менщиков, И. В. Бушков, Ф. С. Мельчиков, сержант геодезии В. Шестаков. В конце XVIII — начале XIX вв. иконописные подряды выполнялись: в Таре — мещанами С. Апачинским и А. Калининым; в Ишимском уезде — тюменским мещанином П. Артемьевым и Абацкой слободы священником М. Мыльниковым; в Семипалатинске, Ямышевске — священником семипалатинской Знаменской церкви А. Комаровым; в Барнауле — бийским купцом А. Сумкиным. Несмотря на распространение цеховых иконописных мастерских, Тобольский архиерейский дом стремился приобщить к искусству иконописания сибирское духовенство. С этой целью в 1800 г. в Тобольской духовной семинарии архиепископом Тобольским и Сибирским Варлаамом, известным своим мастерством иконописцем, был открыт класс рисования. В XVIII в. иконописанию в Сибири обучали также при уездных церковных правлениях и монастырских духовных школах.

Традиции «украинского» барокко широко вошли в сибирскую практику и церковно-монастырской, и «молельной домово́й» иконописи XVIII в.; примером последней может служить созданная в Тобольске в 1710 г., ныне хранящаяся в фондах Екатеринбургского государственного исторического музея бытовая икона-складень, характерными особенностями которой являются: лики святых, написанные по законам «живства»; объемы, активно выявленные «с помощью светотеневой моделировки»; «элементы типичной пышной барочной орнаментики в картушах и разделке престола» [8]. Выполненные во второй половине XVIII в. и высоко ценившиеся в сибирском обществе «иконы»-портреты митрополита Сибирского и Тобольского Иоанна (Иоанна Максимовича) (рис. 6) — необходимо подчеркнуть, что речь в данном случае идет именно об «иконах», так как в пору создания этих произведений владыка Иоанн еще не был канонизирован Русской православной церковью (церковное прославление его состоялось только в 1916 г.), — отличались типичной для светских художников манерой светотеневой живописи и высокой достоверностью изображения, что позволяет определить их как своеобразные «протопортреты» (близкие к парсунной живописи), в рамках иконописной культуры региона формировавшие основы светского изобразительного искусства.

Подобную тенденцию уже в начале XIX в. поддержало творчество сибирских художников, подготовленных в школе живописи при Нижнетагильском заводе Демидовых: Н. Н. Демидов, учредивший школу в 1806 г. с целью подготовки профессиональных иконописцев и живописцев для строившейся им «лакировальной» фабрики (известно, что практическим организатором и

первым художественным руководителем школы стал художник В. И. Албычев), определенно ориентировал ее программу на западноевропейские традиции изобразительного искусства. Так, в первые же месяцы работы школы лучшие, по оценке Н. Н. Демидова, ее ученики — П. Баженов и Я. Арефьев — были на год отправлены для обучения живописи в Италию, а в 1812 г., оставаясь на положении демидовских крепостных, поступили в Императорскую Академию художеств в Петербурге. В 1819 г. Н. Н. Демидов лично приобрел в Париже для нужд школы «статуи и бюсты» и «в 13 ящиках отправил их в Тагил» [9].

Рис. 6. Митрополит Сибирский и Тобольский Иоанн (в миру — Иоанн Максимович Максимович). «Икона»-портрет. Сибирь. Вторая половина XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баландин С. Н. Культурное каменное зодчество Сибири в XVIII в. Новосибирск: Изд-во НАрХИ, 1994. 120 с.
2. Копылова С. В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII—XVIII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма): сборник научных трудов. Новосибирск : Наука, 1978. С. 285—312.
3. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.
4. Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. Омск : Омское книжное изд-во, 1960. 112 с.

5. *Оглы Б. И.* Иркутск: о планировке и архитектуре города. Иркутск : Иркутское книжное изд-во, 1982. 109 с.

6. *Сулоцкий А. И.* Исторические сведения об иконописании в Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1871. № 17. С. 92—116.

7. *Сулоцкий А.И.* Описание наиболее чтимых икон Тобольской епархии. СПб., 1864. 170 с.

8. *Велижанина Н. Г.* О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 192—197.

9. *Мезенин Н. А.* Династия Демидовых. Исторические очерки. Нижний Тагил : Изд-во ОАО «НТМК», 2002. 227 с.

1. *Balandin S. N.* Kultovoe kamennoe zochestvo Sibiri v XVIII v. Novosibirsk: Izd-vo NArhI, 1994. 120 s.

2. *Kopylova S. V.* Nekotorye voprosy organizatsii i tehniki kamennogo stroitelstva v Sibiri v kontse XVII—XVIII v. // Goroda Sibiri (epokha feodalizma i kapitalizma): sbornik nauchnykh trudov. Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 285—312.

3. *Kochedamov V. I.* Pervye russkie goroda Sibiri. M. : Stroyizdat, 1978. 190 s.

4. *Kochedamov V. I.* Omsk. Kak ros i stroilsya gorod. Omsk : Omskoe knizhnoe izd-vo, 1960. 112 s.

5. *Ogly B. I.* Irkutsk: o planirovke i arhitekture goroda. Irkutsk : Irkutskoe knizhnoe izd-vo, 1982. 109 s.

6. *Sulotskiy A. I.* Istoricheskie svedeniya ob ikonopisanii v Sibiri // Tobolskie gubernskie vedomosti. 1871. № 17. S. 92—116.

7. *Sulotskiy A. I.* Opisanie naibolee chtimykh ikon Tobolskoy eparkhii. SPb., 1864. 170 s.

8. *Velizhanina N. G.* O svoeobrazii ikonopisi Zapadnoy Sibiri // Sibirskaya ikona. Omsk, 1999. S. 192—197.

9. *Mezenin N. A.* Dinastiya Demidovykh. Istoricheskie ocherki. Nizhniy Tagil : Izd-vo ОАО «НТМК», 2002. 227 с.

© Туманик А. Г., 2013

*Поступила в редакцию
в августе 2013 г.*

УДК 316.7

Н. А. Грякалов

**СТЕКЛО
В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ
СТРАТЕГИЯХ**

В статье исследуется семиозис стекла в градостроительной практике. На основании проведенного анализа формируется ряд социогеографических гипотез о воздействии трансформаций чувственности на архитектурное пространство городов.

Ключевые слова:

архитектурное пространство, стратегия видимого, археология чувственности, жизненная среда.

N. A. Grykalov

**GLASS IN TOWN-PLANNING
STRATEGY**

Key words:

architectural space, strategy of visible, archeology of sensibility, living environment.

Об авторе:

Грякалов Николай Алексеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники, СПбГУ

Grykalov Nikolay Alekseevich – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Philosophy of Science and Technology Department, Saint Petersburg State University

1. Стекло в истории видимого. Попытку изучения городского архитектурного пространства, понятую как анализ и критика ментальных и «эстетических» рамок, в которых разворачивается современный тип опыта и практики, нельзя редуцировать к дискурсивному формату и «исторической априорности». Речь, в общем, идет о необходимости выделения аналитики очевидности в качестве самостоятельного подхода, позволяющего более точно выразить ценностный смысл архитектурных объектов, конституирующих городскую среду.

В качестве непосредственного предмета изучения выбрано стекло, а точнее его функциональное использование в градостроительной практике. Почему стекло, а не камень, кирпич, дерево или бетон? Ответ прост. Стекло как конструктивный элемент обладает преимуществом чувственной достоверности, оно не «прячется» в строительных конструкциях, а, напротив, делает обозримой связь строительных технологий и эволюционный ряд архитектурных форм.

Исторические перипетии стекла (стекло, залитое внутрь гончарных изделий, дутое, отлитое на столе, вертикально-тянутое, изготовленное флоат-способом на расплаве олова) и его конструктивного использования (в соборах и оранжереях, при облицовке зданий и организации панорам) невозможно отделить от эпохальной «воли видеть», от исторически-пластичных визуальных «выборов». А именно с ними связаны перемены в технологиях использования стекла в архитектуре.

Понятно, скажем, что если основой романского здания служила сама каменная масса (и это был мир тектонической диктатуры монолитов), а изобретение нервюрного свода позволило уничтожить стену как определяющий конструктивный элемент (в готических соборах развитого типа она сохранится лишь в цокольной части), эта «гибель стены» будет одновременно и гибелью монументальной росписи, фрески, которую заменит витраж: невозможно допустить их сосуществование в одном и том же храме — витраж затемняет стену, на которой он расположен, а противостоящая поверхность изменяется отражением. Но вопрос, собственно, в том, почему этой технической возможностью воспользовались? Почему нервюрный свод не разделил судьбу александрийской паро-

вой машины, ацтекского колеса или китайской ксилографии (как предшественницы разборного шрифта)? Если «каждый артефакт... может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек... связывает с его изготовлением и применением» [1], то понятно, что «компас и порох» для Ф. Бэкона (или для падуанского эрудита Гвидо Панчироли — создателя их нововременной мифологии [2]) совсем не тот компас, которым пользовались в погребальных культах, и не тот порох, которым распугивали духов.

Поэтому сюжет состоит в том, чтобы увязать друг с другом смену эстетических и технологических формаций. Артефакт, как было сказано, всегда рецептивен: он есть в некотором живом опыте воззрительности, вне и по ту сторону которого перед нами «интенциональный труп». Возможно, что такая судьба вообще всяких «поэтических» вещей и что «настанет день, когда перестанет существовать последний портрет Рембрандта и последний такт моцартовской музыки — хотя раскрашенный холст и нотный лист, возможно, и останутся, — так как исчезнет последний глаз и последнее ухо, которым был доступен язык их форм... Преходящи даже звездные миры, которые “являлись” астрономам с Нила и Евфрата как миры для глаза, ибо наш — столь же преходящий — глаз совсем иной» [3].

Архитектура — всегда и всякая — есть привилегированная машина воспитания чувств, а смена градостроительных политик наиболее четко говорит о мутациях образа мира (поскольку город рассматривается как модель пространства Вселенной и его организация отражает структуру мира в целом). «Чтение» городской среды осуществляется с помощью психогеографических процедур, показывающих, каким образом архитектурный раскрой пространства это «воспитание чувств» осуществляет (представление о трансисторическом status quo человеческой сензитивности как минимум наивно¹).

Машины зрения производят «видеть» на месте «смотреть», поскольку «видеть» всегда есть «видеть как» и непосредственность образа фиктивна. Среду синтезируют: санкционированные, но искусственные состояния сознания образуют своего рода *lumen artificiationis*, технические протезы сенсорики. Ряд устройств имплантируется в глаз — так же, как лабиринт имплантируется в тело адепта, в его мистериальное движение. Среда как то, что «дает» всегда есть миф (и здесь прав — при всем его ригоризме — А. Ф. Лосев: «При электрическом свете нельзя молиться Богу. При нем можно только подписывать вексель» [5]), но миф видимый. То есть ритуально-зрелищный. В этом смысле психогеография есть достаточно парадоксальная попытка обнаружить то, частью чего ты сам являешься, другими словами, она есть проблематизация предоставления.

В такой перспективе «город в истории» есть не что иное, как непрекращающаяся борьба за форму, ревизия выборов того, что значить быть вместе.

В любом случае ясно, что арифметическая сумма зданий — еще не город. Задача эволюционной урбанистики и состоит, скорее всего, в том, чтобы

¹ Ср.: «Было проведено исследование людей, живущих в густом лесу. Восприятие этих людей представляет интерес, поскольку они не видят предметов на большом расстоянии, так как у них в лесу имеются лишь небольшие свободные пространства. Когда их вывели из леса и показали им объекты, расположенные на большом расстоянии, они воспринимали их не как удаленные, а как маленькие» [4].

выделить системные узлы (храм и рынок, цитадель и некрополь, водохранилища, трассы, тюрьмы, бойни) и, прочитав их через основофеномены, определить «ауру» города, которая и будет «объективным настроением» тех, кто в нем живет [6, 7]. Если «цель природы человек, а цель человека — стиль» (Тео ван Дусбург), то именно стиль человеческих агломераций, их «осанка» и «мимика» (а также их проксемика, кинесика, гаптика, их окулярные машины, акустический и ольфакторный фон) будут подлинно проблематическими для теории. Если она в состоянии вообще ответить за себя.

Строение проживаемого пространства наполнено разного рода искривлениями, оно не является абстрактно-гомогенным вместилищем всего, чего угодно, безразличным по отношению к происходящим в нем событиям: события изменяют действительность и перекраивают пространство, игру его топосов, когда «простор получает собственное существо от собирающей действительности мест» [8]. Определенная организация пространства симбиотически связана с определенным типом жестов, например, речевых — так, ассамблея и дворцовый зал предполагают оду [9] — или, наоборот, не допускает некоторого типа жестов, купирует их изначально либо же рассеивает их действительность².

Здесь пафос какого-то имманентного специалитета выдержать не удастся в принципе: градостроительные метаморфозы невозможно абстрагировать от многообразия жизненно-мировых форм — социально-экономических, политических, научных, религиозных. Так готика пройдет по всем территориям эстезиса, от архитектуры и пластики до вестиментарных новаций и дизайна шрифтов, прозвучит в физике парижских номиналистов и «волюнтаривной теологии» Дунса Скота. Так политическая теология суверена будет архитектурно (и фантазийно) воплощаться, с одной стороны, Версалием, а с другой — Паноптиконом Иеремии Бенгтама. Вот — греки с их чередой топосов (агора, святилище, театр, гимнасий), где может реализовать себя суггестия личного голоса и видимо-телесная «схема», где исполняется *жест* — любовников, ораторов, статуй — и останавливает в его истине мгновение. И вот — Рим, реализующий имперскую логику дорог и циркуляров, пароксизмы коллективной зрелищности и, как их изнанку, лирическую культуру бани и одиноких прогулок.

2. Мутации. Проиллюстрируем связь «социальной чувствительности» и «технологий света» рядом европейских окулярных мутаций.

Первая — возникновение витража в готической архитектуре. Ясно, что каркасная система, обеспечивая перенос веса конструктивных элементов на основание, была в отношении витража «технологическим априори» (ну и само стекло, технология производства которого, скорее, деградировала: стекла в XII—XIII вв. получались довольно толстыми, неравномерными, куски были

² «Трагическая участь Савонаролы не в последнюю очередь была предрешена отсутствием надлежащей *топики* для его безумных проповедей; исконно готическое слово, предназначенное для *высоты* и *головокружения*, прозвучало диссонансом в стенах ренессансного храма. Под воздушными сводами Реймса или Страсбурга оно спровоцировало бы новый крестовый поход; купол Santa Maria del Fiore воспринял его как нечто чужеродное. Пространства сомкнулись и отразили натиск апокалиптических *излишеств*; слово, не выщербившее стены и стенами отторгнутое, обернулось бумерангом, настигшим неистового монаха и вышвырнувшим его из храма на площадь Синьории, где карой за акустическое несоответствие стали виселица и костер» [10].

толще в центре и тоньше по краям, всегда не очень прозрачными и часто с пузырьками). При этом безусловное (и крайне симптоматичное) достижение — резкое «расширение палитры»: если в конце XI в. строители знают лишь 9 тонов, то к XII в. французские мастера используют в витражах 21 тон, состоящий из 7 основных цветов. Эта «воля к хроматизму» совершенно неочевидна и подлежит объяснению, учитывая всю двусмысленность отношений к цвету и окраске, запрет на смешивание колоров и «нечестивость» ремесла красильщика [11].

Похоже, здесь была сброшена в объективацию идея сакрального фотосинтеза. Вырвавшись из опыта мистического света, в котором она и осталась запакованной на христианском Востоке, идея эта словно подыскивала для себя подобающее тело [12]. И это тело будет найдено, когда световая мистика Ареопагита свяжет «профанную» чувственность и *de facto* подведет созерцание под понятие в реальности витражного рефрактора. Наука XIII в. в лице Гроссетеста, Витело и других «настойчиво “прощупывала” свет, поставив оптику на первое место среди своих занятий» [13], и вынесла вердикт: «слепящий мрак» видим лишь как череда затемнений, в «подлунном» мире данных как полихром для глаза и как «естественное место» для вещи.

Историческая априорность видимого реализуется в технических протезах зрения, органопроективных расширениях глаза: готический храм, подобно архитектуре Дантова «Рая», построен таким образом, чтобы аккумулировать свет, являющийся источником красоты и бытия (но, в отличие от визий, исполнить это здесь и теперь, на земле, можно только путем вращения технем в перцептивное поле). Отсюда полихром — «видимый цвет рождается за счет встречи двух видов света: того, что находится в непрозрачном теле, и того, что излучается в прозрачном пространстве, причем второй выявляет первый. Свет в своем чистом состоянии — это субстанциальная форма (следовательно, форма творческая, как у неоплатоников); свет же как цвет или сияние непрозрачного тела является формой акцидентальной (к чему и склонялись сторонники Аристотеля)» [14]. Так объясняет Бонавентура.

Вторая мутация — возникновение новоевропейского монохрома. Новоевропейское изменение политики света — движение средневекового витража к монохромному стеклу. Все это тесно связано с функцией средневековой ритуальной архитектуры и сменой функций искусства в Новое время: изменение функционального состава артефактов прямо сказывается на изменении их прагматической ориентации. Так, скажем, если идеальный зритель средневековой иконы есть *homo liturgus*, то по отношению к ренессансному изображению им является зритель как таковой, «человек созерцающий», который созерцает не принципиально внеположный мир, но преображенный свой мир и преображенного себя в этом мире. Наконец, в картине появляется герой, отождествляемый с самим творящим субъектом, — так закладывается основа для рефлексии индивидуума в пределах и посредством живописи.

Опять-таки, становления монохромного интерьерного света нельзя детерминантно связывать с технологической инновацией — появлением листового стекла. Помимо «уликовой» одновременности монохрома становлению прямой перспективы в живописи, монохром также одновременно становлению метафизики «естественного света». «Естественный свет» Бога готика всегда пропускает через витражный рефрактор, указывая на неравенство бе-

лого всякому цвету, как Бог неравен любой из сотворенных им вещей. Когда Новое время в лице Декарта отождествит его с естественным светом разума, стекло станет монохромным, а перспектива — прямой.

Барокко начнет работать с кишением форм — в живописи (Арчимбольдо³) и философии (Лейбниц⁴), в политике (шпионаж, которому впервые удастся стать действительно эффективной институцией [17]) и пластике (Расстрелли [18]). Однако важно, что формы для барокко есть лишь эффекты динамических противодействий, конклюдивных сгибов природных или рукотворных агрегатов. И если, по выражению Ж. Делеза, барокко занимается не изобретением форм, а поимкой сил, то силы эти являют себя во всем многообразии их ритмической насыщенности. Интуицией искусства становится складка, перепад, мировой метаболизм [19]. Дословно «барокко» означает, конечно, «причудливый», однако причудливый с оттенком ущербности (восходя к термину, которым ювелиры Пиренейского полуострова называли жемчуг неправильной формы), если не монструозности. «Кабинеты искусств и диковинок» («Kunst und Wunderkammern») есть, конечно, подлинно барочная инициатива — пространство де-монстрации⁵.

Барочная архитектура выступает аллегорией бесконечной «мировой машины», машинной в каждой своей части (откуда гипертрофия детали). Композиция барочных интерьеров строится на тех же принципах: на эффекте бесконечной протяженности и на нарастании масштабов к центру — к центральным залам и картинным галереям. Освещенные огромными окнами с двух сторон (и, как правило, еще дополнительным рядом верхних окон), в простенках украшенные зеркалами, эти залы насыщены светом, однако в этих интерьерах взгляд в нашем его понимании (предполагающий единство фокуса) не может состояться (особенно вечером, когда свечи получали бесконечное отражение в зеркалах и блестящем паркете). Интерьерное использование зеркал приводит к неспособности собрать зримый объект: эффект барочных интерьеров погружает в иллюзию полного исчезновения стены, стирающую всякое представление о плоскости и пространственных границах. Такая трактовка отвечает реальным оптическим экспериментам барокко — анаморфозам, обманкам, панорамам, театральным машинам, — производству бесконечной иллюзорной плоскости, при встрече с которой взгляд бесконечно переходит от одной частичной перцепции к другой. Стекло, по сути, выступает оператором раскола зримого на «частичные объекты», при котором, как мы сказали, зрение не собирается в фокус (это «картезианская» привилегия абсо-

³ «Головы Арчимбольдо ужасны, потому что все они напоминают — какова бы ни была красота аллегорического сюжета (Лето, Весна, Флора, Вода) — недомогание плоти: кишение. Схватка живых вещей (овощей, животных, детей), расположенных в тесном беспорядке (перед тем, как объединяться вновь в понятности финальной фигуры), воспроизводит зачаточную жизнь, запутанность вегетативных существ, микробов, зародышей, внутренностей, которые находятся на границе жизни, еще не рожденные и, тем не менее, уже гниющие» [15].

⁴ «Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд» [16].

⁵ А демонстрируют всегда монстра — безумца, преступника, уroda: «Безумие становится спектаклем в чистом виде... До самого начала XIX века, вплоть до того момента, когда пришел в негодование Руайе-Коллар, безумцы оставались чудовищами (monstres) — то есть существами или вещами, которые стоит показывать (montrer), чтобы на них дивились, как на чудо» [20].

лютной позиции наблюдателя, в которой и усомнится барокко), но вовлекает в зрение-как-становление.

Эпоха классицизма — время активной архитектурной и строительной деятельности. Какова ее мера («масштаб» в своем исходном смысле)? Работа с историей технологий мало чем здесь может нам помочь: при переходе от барокко к классицизму она останется практически неизменной [см.: 21] (и в изолированном виде нам об этом, в общем-то, нечего сказать), однако «политика света» и, соответственно, опыт видения претерпят радикальные перемены. Архитектура воспроизводит в собственном языке эпохальные проблематизмы: «Что такое “просвещенный ум?” и «Что такое “естественный человек?”».

Расширение использования стекла в строительстве имело свой «технический» подтекст (кстати, едва ли не единственный): благодаря армированию конструкций оказалось возможным уменьшить толщину столбов и стен (и, соответственно, увеличить оконные проемы и пролеты перекрытий). Существенно, впрочем, другое: исчезает установка на плюральность видимого — из интерьера исчезает зеркало, исчезает анфилада, исчезает интерес к анаморфозам и оптическим машинам, в плане зданий исчезает криволинейность очертания, которая не давала исполниться созерцанию, либо подавляя его объемом, либо заставляя «прочитывать» здание как аллегорический текст⁶ (вместо групп колонн и пилястр, несущих раскреповки антаблементов и замысловатые криволинейные и разорванные фронтоны, теперь возводятся портики с простыми треугольными фронтонами). Воображаемым alter ego являлась, конечно, установка на «просвещенный абсолютизм» — власть суверена более не трансгрессивна, его абсолютность — это однородность среды, в которой возможна классификация и распределение⁷.

Сложение нового типа административных зданий обуславливалось, в частности, созданием в них обширного и представительного зала для торжественных собраний. Такой зал, бывший ранее принадлежностью царских дворцов, теперь стал необходим как помещение для собраний дворянства, как актовый зал в учебных заведениях и т. д. В архитектуре этих залов отразились

⁶ Об аллегорических стратегиях барокко см.: [22].

⁷ Власть — это больше не кровавый спектакль казни (со всей ее символической атрибутикой). Это — наблюдение, паноптизм. Если на протяжении Средних веков одной из характерных привилегий суверенной власти было право на жизнь и на смерть, то новоевропейская пенитенциарная система есть прежде всего «власть над жизнью». Принцип смертной казни на протяжении Средних веков был — наряду с войной — прямой формой манифестации «права меча», манифестации права суверена дать ответ тому, кто бросает вызов его особе: «Суверен здесь осуществляет свое право на жизнь, лишь приводя в действие свое право убивать или воздерживаться от этого; свое право на жизнь он маркирует лишь смертью, которую он в состоянии потребовать. <...> Эту юридическую форму следует отнести к тому историческому типу общества, в котором власть осуществлялась преимущественно в качестве инстанции взимания, механизма отнимания, права присвоения части богатств и навязанного подданным вымогательства произведенных продуктов, благ, услуг, труда и крови. Власть здесь была, в первую очередь, правом захвата — над вещами, временем, телами и, в конечном счете — над жизнью» [23]. Могущество смерти, которым символизировалось право суверена, Новое время тщательно скроет управлением телами и расчетливым заведованием жизнью. Характерно, что для политического воображаемого урод — это инвертированный эквивалент суверена. Урод и суверен представляют собой абсолютные индивидуальности, тотальное отклонение от геометрической регулярности (абсолютная власть в этом смысле необходимо отмечена тягой к монструозному — таков ее симптом). Отказ культуры от организации власти по принципу суверенного эксцесса предопределил и закат интереса к монстрам.

эстетические представления того времени о «гражданственных» идеалах архитектуры, воплощение которых видели в формах Античности (например, в купольном зале типа римского Пантеона). Просвещение сакрализует гражданственность — и вот купольная монументальная ротонда становится принадлежностью светской архитектуры.

С другой стороны, XVIII в. был заморожен идеей естественного человека и пытался понять современное состояние из этой доисторической естественности. Природный человек, этот носитель естественного закона, превращается теоретиками в некую абстракцию, которая оказывается эквивалентной понятию «человека вообще». С точки зрения Руссо и иных мыслителей Просвещения, общество искажает это всеобщее ядро человеческого, наслаивая на него множество акциденций. Политическое пространство и пространство приватное расходятся («Прогулки одинокого мечтателя» станут текстом, легитимирующим подобное разбегание). Возникает апология искренности, которая противопоставляется барочному ритуализму⁸. Именно фантазм природности, идиллической естественности реально запустит стеклянную архитектуру, у истоков которой стоит оранжерея, где природа изначально оформлялась по типу райских аркадических садов, копировавшихся в соответствующей живописной иконографии. С оранжерей и начинается, собственно, история стеклянной архитектуры (на истории которой можно писать историю модерна), чему есть и технологические (внедрение в строительство железа и чугуна) и, главное, культурологические основания.

Не секрет, что, по большому счету, после готики развитие конструктивных приемов зависло. Конечно, функциональная организация архитектурных сооружений, их внешний облик изменились очень сильно, порой до неузнаваемости. Появились совершенно новые типы сооружений. Однако на развитии конструктивных приемов возведения зданий перемены сказались сравнительно мало: стены из кирпича или мелкого камня с декоративной облицовкой камнем, цилиндрические и крестовые своды, купола — все это восходит к средневековым или даже римским образцам. Решающие сдвиги в этой области наместились где-то к середине XIX в. [см.: 25].

Окно появляется одновременно с рамой — оно и есть рама [см.: 26]. «Расподобление сакрального и мирского осуществляется внутри самого изображения. Если икона не нуждалась в раме, будучи сама по себе «рамой» (это не менее очевидно в случае витража), то ренессансная композиция с необходимостью порождает таковую... Эволюция рамы тесно связана с эволюцией живописи в целом» [27]. Растворение наблюдателя в пространстве, которое бесконечно расширяется во все стороны, так что неизменная точка зрения больше не находит в нем места, с наибольшей полнотой выражается даже не в панорамах, а в стеклянной архитектуре, которая также тесно связана со всей эстетикой прозрачности, транспарантности.

У истоков всей архитектуры из стекла и металла стоит оранжерея: уже конец XVI в. был отмечен популярностью зимних садов. Экзотические растения, привезенные европейскими исследователями, нуждались в специальной

⁸ «У антиязы “естественное — противоестественное” был еще один важнейший смысл: поскольку движение к истине мыслилось как освобождение сущности вещей и отношений от лживых наслоений, появляется новый критерий достоинства человека, литературного произведения, социального института — искренность» [24].

защите и теплицах, включая большие оранжереи. Задуманные как обычные пристройки к домам и учреждениям, их использовавшим, именно зимние сады в течение последующих двухсот пятидесяти лет дали импульс новому взлету стеклянной архитектуры.

Зимний сад, который до сих пор был только «служебным пространством», получил признание и вошел в большую архитектуру. Это был второй возраст стекла. Палм Хаус, построенный в 1845 г. в Кью Ричардом Тернером и Децимусом Бартоном, считался одним из самых красивых в мире. Французские оранжереи также были крайне популярны, например оранжереи Сада растений Музея естественной истории, построенные в Париже Роо де Флери.

Так или иначе, следующая инновация в использовании стекла в архитектуре связана с «золотым веком» буржуазии (когда на смену картине приходит панорама), стараниями которой появляются новые типы гражданских и промышленных зданий — магазины, склады, предприятия, конторы [см.: 28]. В. Беньямин обнаружит давнюю генеалогию, связывающую использование стекла в архитектуре и буржуазную реорганизацию общества: классические варианты — П. Сантени, магазин «Брюссель», 1899 г.; Ф. Журден, магазин «Самаритен», Париж, 1905 г. Пленкой буржуазного парадиза оно станет еще раньше — во время превращения Всемирных выставок в гигантские коммерческие аттракционы (которые были изначально символами утопического прогрессизма и с которыми связано первое широкое использование стекла в архитектуре — в 1851 г. построенный английским архитектором Хрустальный дворец для международной выставки его, собственно, и открывает).

Обвальное увеличение магазинов потребовало больших прозрачных витрин в первых этажах, что заставило искать такие конструктивные решения, при которых поверхность окна увеличивается за счет уменьшения простенков. Меняется и технологическая ситуация: появляется металлический, а затем и железобетонный каркас, которые резко уменьшают рабочее сечение опор несущей конструкции и в конечном счете позволяют совсем отделить ее от стены.

Основные вехи эволюции стены на пути к свободному фасаду таковы [Данные приводятся по: 29].

1848 г. Американец Джеймс Богард изобретает каркас, заменяя кирпичную кладку, несущую межэтажные перекрытия, металлическими опорами. Это позволяет ему резко увеличить поверхность остекления. Железные колонны и арки фасада выполнены в стиле венецианского Возрождения. К 70-м годам XIX в. металлическая каркасная конструкция такого типа получает широкое распространение в американской практике строительства универмагов, складов и конторских зданий.

1871—1872 гг. Француз Жюль Сонье возводит неподалеку от Парижа здание шоколадной фабрики с каркасной металлической конструкцией. Кирпичная кладка наружных стен не несет конструктивной нагрузки и служит только заполнением каркаса. Это позволило получить на всю высоту здания совершенно плоскую, гладкую стену, не перегруженную, как это было принято, архитектурной декорацией.

1883 г. В Чикаго Уильям ле Барои Дженни проектирует и строит первый в истории небоскреб — 10-этажное здание страховой компании. Металлический каркас позволил довести проемы до максимальных для того времени размеров.

Однако действительно эпохальным сооружением стал Хрустальный дворец, возведенный в Лондоне в 1851 г. Его возведение в лондонском Гайд-парке в 1851 г. действительно стало событием. Идея этого сооружения, принимавшего Международную выставку 1851 г., родилась в уме Джозефа Пэкстона после его посещения оранжереи Сада растений. Шедевр Тернера, созданный садовником, инженером и промышленником без вмешательства архитектора и признанный Конрадом Вахсманом, великим инженером XX в., как первое здание в стиле модерн, сочетал многочисленные новшества как в области технологии и производства, так и в концепции пространства.

Как мы уже сказали, создатель Хрустального дворца, имея опыт в строительстве оранжерей, вводит в конструкцию сооружений металл и стекло, увеличив оконные переплеты до невиданно больших размеров. Примеры применения металлических конструкций и покрытий со стеклянным заполнением уже были известны к тому времени, но чтобы весь фасад столь крупного общественного здания был стеклянным — такое было впервые. Этот прием на несколько десятилетий опередил свое время, открыв новую страницу не только в строительстве, но и в архитектуре.

Хрустальный дворец стал символом триумфа промышленной революции, но сама эта промышленность тогда, в эпоху железной дороги, нуждалась больше в вокзалах, галереях (галерея Виктора-Эммануила II в Милане, построенная между 1865 и 1867 гг.) и рынках. Эти сооружения не имели аналогов в истории и превосходили воображение европейских архитекторов, давая возможность инженерам продемонстрировать свои способности.

В Соединенных Штатах ситуация была иной. В Чикаго в ходе реконструкции после большого пожара 1871 г. появились небоскребы со стальным или чугунным каркасом и стеклянным фасадом. Такие здания, как Гэйдж Билдинг, построенный в 1898 г. (фасады проектировал Луис Салливен, который ввел в обиход понятие «сосед по лестничной площадке»), были практически немислимы для «академичных» европейских архитекторов, несмотря на то, что такие сооружения, как Гарднерс Стоп архитектора Джона Баирда, построенное в Глазго в 1855—1856 гг., и л'Ориель Чемберс Петера Эллиса, построенное в Ливерпуле в 1864—1865 гг., были тому отчетливыми предвестниками⁹.

Металл начинает появляться на стройке с конца XVIII в. Сначала довольно робко — речь идет о чугунных опорах и балках в сооружениях промышленного назначения. В 1786 г. во Франции строится первая крыша с применением стропил из ковального железа. В 1811 г. при перестройке здания Хлебного рынка в Париже возводится металлический купол, равный по размеру куполу собора Св. Петра в Риме. Однако широкое применение металлических конструкций сдерживается их дороговизной в условиях полукустарного производства.

С развитием железных дорог появляется потребность в большепролетных конструкциях, где преимущества металла перед кирпичом и камнем становятся решающими. Начиная с 1816 г., когда был построен первый желез-

⁹ Эти здания использовали потенциал листового стекла (полученного в процессе «отливки на столе»), изобретенного во Франции в 1687 г. Этот метод положил начало серьезной промышленности, а в 1693 г. Кольбер учредил Королевскую зеркальную мануфактуру во дворце Сен-Гобен в Пикардии.

ный мост через Темзу, металлические мостовые фермы получают все большее распространение. Для их изготовления используется прокатный металл, который начинает находить разнообразное применение в строительстве, особенно для перекрытий больших пролетов. Металл хорошо сочетался с прозрачным стеклянным заполнением: еще в 1829—1830 гг. в Париже строится Орлеанская галерея, ставшая впоследствии образцом для многочисленных стеклянных крыш. Хрустальный дворец Пэкстона придает новый масштаб этим поискам, перенося их на почву строительства крупных сооружений — преимущественно выставочных зданий и многочисленных железнодорожных вокзалов. Так называемые Галереи машин на Парижских международных выставках 1855, 1867, 1878 и, наконец, 1889 гг. демонстрируют увеличение пролета металлической конструкции почти в два раза (с 57,9 до 115 м) за 35 лет. Характерно, что сначала металлические фермы покрытия устанавливаются на металлических колоннах. Однако уже в 1868 г. на строительстве лондонского вокзала Сент-Панкрас (пролетное строение в 73 м) происходит важное усовершенствование. Дугообразные металлические балки покрытия изгибаются, доходя до самого низа. Основой всей конструкции становится цельная рама металлического каркаса. Тот же принцип воспроизводится в галерее машин 1878, а затем и 1889 г.

Приблизительно в то же время металлический каркас получает распространение в промышленном строительстве. Колонным и балки, которые раньше были лишь металлическим обрамлением для каменных и кирпичных стен, становятся единой, конструктивно связанной системой. Наружные стены не являются больше несущими элементами — они превращаются в заполнение каркаса. На Парижской выставке 1867 г. впервые демонстрируются жилые дома с рамной металлической конструкцией и стенами из пустотелого кирпича толщиной всего 12,7 см. В США первая каркасная металлическая конструкция появилась еще ранее — в 1848 г.

Так металл побеждает камень по всем позициям. В 1889 г., словно подводя итог этому победному шествию металлической конструкции и символизируя ее значение для наступающего XX века, в Париже строится Эйфелева башня. Уникальная по сложности монтажа стальная конструкция выведена до рекордной отметки — 312,6 м (пирамида Хеопса — 148 м, колокольня Кёльнского собора — 157 м) [см.: 30].

Какие метаморфозы производит модернистская архитектура с «культурой видения»? «Уже простое рассмотрение наших отношений с архитектурой убеждает в том, что, как правило, имея с ней дело, мы оказываемся вовлеченными в акт коммуникации» [31]: отсюда возникает вопрос о тех коммуникативных эффектах, что вызывает буржуазная «мания остекления». Транспарантность города приводит к странным гипнотическим эффектам (самой показательной реакцией на модернистскую распечатку городских территорий будет символизм — и французский, и русский), сходным с психозами «потери тела», исследованными Гизелой Панков. Тотальное остекление урбанистического ландшафта заполняет субъекта образами. Современный теоретик архитектуры П. Вирильо называет это «эффектом медузы», который связывает с модернистскими технологиями визуальности: «Смотреть на Горгону — значит переставать быть самим собой в свете ее глаз, терять свой собственный взгляд, обрекать себя на неподвижность. С появлением панорамы, а за

тем игры цветов и подсветок диорамы, которая, в свою очередь, исчезнет в начале XX века, уступив место кинозалу, синдром медузы обретает всю полноту своего смысла» [32].

3. Витрина и зеркало: к урбанистической футурологии стекла. Современность характеризуется существенной несамоданностью — для своей идентификации она принуждена либо узнавать себя в историческом прошлом (функция социальной памяти), либо проектировать себя в будущее (функция социального воображения). Их рассмотрение мы можем здесь только наметить.

Технологический компонент перспектив использования стекла в архитектуре, конечно, весьма существен. Задача поиска путей идеального решения проблемы совмещения минимального потребления энергии и минимальных капиталовложений с требованиями охраны окружающей среды — примерно таков контекст поиска, на который ориентирована современная архитектура, связывающая его с двумя родами нововведений — «совершенным остеклением» и «интеллектуальными фасадами».

Проект «совершенного остекления», нацеленный на использование для обеспечения энергетических потребностей здания возобновимых природных ресурсов, таких как энергия солнечного света и ветра или же тепло почвы, зданий динамически восприимчивых к постоянно меняющимся климатическим условиям, связан с энергетическим кризисом 1970-х, когда энергоемкие установки для обогрева или кондиционирования воздуха, поддерживающие постоянные температурные условия внутри помещения вне зависимости от времени года или месторасположения, оказались нерентабельны.

С «интеллектуальными» фасадами связана «экологическая» перспектива развития стекла в строительстве. Создание «интеллектуальных фасадов» основывается на передовых комплексных концепциях использования энергии, которые делают возможным взаимодействие между подразделениями обслуживания фасадов, зданий и окружающей средой, что предполагает все большее усложнение дизайнерской задачи, успех которой, даже самый скромный, обуславливается целостностью планирования.

Однако существенным кажется не столько технологический, сколько «средовой» аспект архитектуры стекла, коль скоро архитектура — это система пространственных эффектов (и тогда арифметическая сумма зданий — еще не город). Политики застройки изменчивы, часто до неузнаваемости. Вопрос в том, как в этих пространственных эффектах фигурирует стекло. Теоретики говорят о «зрелищности» архитектурного пространства — смене последовательного пространственного формообразования, где главную роль приобретает смена пластического восприятия: «Театрализованность архитектурного пространства нужно рассматривать как его зрелищность, способность постоянно или последовательно привлекать внимание, вызывать заинтересованность зрителя, приводить его в движение, эстетически и эмоционально на него воздействовать» [33]. Другими словами: как работает стекло в современном мегаполисе?

Ни одно современное произведение архитектуры не обходится без стекла, и роль его отнюдь не ограничивается простым заполнением светопроемов: сплошное остекление фасадов общественных зданий стало обычным архитектурным приемом. Стилевой облик современных сооружений формирует конструктивные приемы, среди которых значительное место отведено струк-

туре несущих элементов, выявленных на фасаде, и стеклянным плоскостям. Геометрически четкие объемы сооружений и гигантские рефлектирующие поверхности остекления характеризуют международный архитектурный стиль. Говоря о тенденциях разметки пространства, связанных непосредственно с использованием стекла в архитектуре, нужно отметить два основных момента «стеклополитики» современности — прозрачность и зеркальность.

Стекло в современном мегаполисе — это, прежде всего, витрина, экран, сквозь который субъект считывает товарную психологию позднего капитализма. Здесь медиативная функция стекла, функция предъявления зрелища приходит к своему законченному воплощению (аватарой этой же функции будет такое далекое от архитектуры явление, как полиэтилен упаковок, телевизионный экран и рекламный щит). Организация зрелищ есть транс-историческая прерогатива власти¹⁰, и дисциплинарно-зрелищный компонент архитектуры в разговоре о стекле невозможно редуцировать, коль скоро оно медиум, предоставляющий объект. Что видел сквозь витражный рефрактор человек Средневековья? Свет Бога. Что видел сквозь монохром человек Нового времени? Мировую машину на сцене представления. Что он видит теперь? Товарный гламур, объективированный потребительский фантазм: «Город перестал быть политико-индустриальным полигоном, каким он был в девятнадцатом веке, теперь это полигон знаков, массовой информации, кода» [35]. Если раньше город был преимущественным местом производства и реализации товаров, местом промышленной концентрации и эксплуатации, то сегодня он является преимущественным местом исполнения (в том смысле, в каком исполняется ария, но и в том смысле, в каком исполняется приговор) знаков.

Вторая стратегическая установка — это зеркальная облицовка административных доменов капитала: банков и госучреждений. На эту поверхность субъект наталкивается. Он растерянно встречает собственный образ — а по ту сторону амальгам идут молчаливые игры власти.

Здесь перспективу развития стеклоиндустрии можно видеть в сторону противоударности: не случайно во всем мире растет производство и применение в строительстве так называемого безопасного, или ламинированного стекла (конструкции, которая состоит из двух или более стеклянных листов, связанных с промежуточным слоем поливинилбутилата, спавленных вместе под давлением при высокой температуре). Достоинством ударостойких стекол (помимо их утилитарной функции) проектировщики считают сопоставимость коэффициента преломления ламинированного стекла с обычным, то есть их сопоставимость в плане прозрачности. Наиболее ценными свойствами ламинированного стекла считается его ударостойкость, безосколочность и способность удерживать осколки на эластичной прокладке при разрушении.

¹⁰ В этом отношении наиболее показательными являются римские технологии зрелища: «Римская империя вынуждена была менять технологию власти. Огромная территория, населенная разными народами, верующими в разных богов, говорящими на разных языках, уже не переживалась как “отечество”. Рим стал политической фикцией и должен был придумать новую технику сборки коллективного тела. Техника идентичности (самопознания) и солидарности (воспитания государственных добродетелей граждан) оказалась нереализуемой в условиях огромного государства. Взамен демократически избранной власти Рим опирался на бюрократию и управлял массами при помощи зрелищ» [34].

Однако какова область применения ламинированного стекла, помимо сфер, где оно технологически необходимо (например, в транспортной или военной промышленности)? Тип ламинированного стекла, на котором останавливается архитектор, зависит от функций, ему придаваемых. В проектировании административных и финансовых зданий основной функцией использования ламинированного стекла становится защита от вандализма, несанкционированных проникновений и применения огнестрельного оружия. Дисциплинарный его аспект оказывается таким образом доминирующим. Дело идет о постановке системы дистанций: чтобы прочувствовать этот архитектурный тренд, лучше, может быть, читать киберпанков или ситуационистов, чем академические исследования.

Традиционно используется стекло, предполагающее минимальный уровень защиты, то есть защиты против воздействий, не имеющих цель разбить стекло. В этом случае используют ламинированное стекло, состоящее из двух стекол и одного промежуточного слоя, применяемое обычно на балконах, лестничных ограждениях, крышах, при остеклении межоконных пространствах и дверей, в школах и спортивных центрах, при оконном остеклении в районах с ветрами повышенной силы. В странах Западной Европы практически все телефонные кабины, акустические панели вдоль шоссе и железных дорог, рекламные щиты и автобусные остановки выполнены из подобного вида стекла.

Но для нас интереснее категория противоударного стекла, функция которого — защита от вандализма, то есть от преднамеренного воздействия. Прочность этого стекла повышена за счет увеличенного количества и толщины листов, а также промежуточных слоев. Этот вид стекла специально разработан для применения в витринах магазинов (просим заметить), в зданиях вокзалов, аэропортов, судов, министерств, посольств — короче, все административные домены капитала ограждают себя антивандальным стеклом.

Ламинированное стекло против проникновений часто снабжается сигнальным устройством: статистически наиболее частое использование — банки, особенно те, куда открыт доступ посетителей; магазины ювелирных изделий, огнестрельного оружия; музеи; компьютерные центры; посольства; министерства, полицейские участки; здания судов. Причем сигнализация также невидима — она вмонтирована в наполнитель (электрическая сеть в виде сверхтонкой проволоки — около 0,1 см). Дисциплинарное администрирование («сетевое общество контроля») становится коэкстенсивным среде.

Экранирующая и дисциплинарная функции стекла, таким образом, прячутся за прозрачностью (так было когда-то с панорамными обоями — эти странные интерьеры создавали иллюзию открытости на окружающий мир, хотя в действительности панорамы природы служили отделению интерьера от окружающей жилище урбанистической действительности, они в этом смысле выполняли функцию, аналогичную описанной Фрейдом функцией цензуры): визуальность приближена к нулевой степени — мы не считываем его ограждающую функцию (которая, однако, реально блокирует возможность телесной инвестиции).

Стекло, которое в современных мегаполисах обеспечивает отчуждение, симулирует те функции, которыми его наделяли конструктивисты, как полнотью демократический, снимающий отчуждение материал, как условие

общения и социальной открытости¹¹ (они обманулись, как спустя тридцать лет обманулись теоретики медиадемократии). Сохраняя форму, постмодерн изнутри подменил идеологию высокого авангарда, да еще и оформил это дискурсивно [см.: 36]: это — мир соглядатайства, мир, в котором изначально рассогласован строй визуальных образов и строй моторных проектов, мир, в котором *я вижу, но не могу*, пытается купировать «прямое действие» подлинно демократического искусства — хеппенинг или травматический боди-арт [см.: 37]. И когда Штокхаузен назовет атаку террористов на здания Всемирного торгового центра «совершенным произведением искусства», он будет по-своему прав. Если действительно смысл архитектуры в том, чтобы освободить.

Таким образом, в нашем «обществе спектакля»¹² использование стекла выполняет поистине дисциплинарную и отчуждающую функцию — в этом она совпадает с проектом паноптикона Иеремии Бентама, основная цель которого — «привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти. Устроить таким образом, чтобы надзор был постоянным в своих результатах, даже если он осуществляется с перерывами, чтобы совершенство власти делало необязательным ее действительное отправление и чтобы архитектурный аппарат паноптикона был машиной, создающей и поддерживающей отношение власти независимо от человека, который ее отправляет» [39]. Современная архитектура дважды дурачит субъекта: в первый раз он зачарован видимым («товарная психоделика» витрин), второй раз, напротив, — фрустрирован иновидимостью власти (зеркальная противоударность административных комплексов).

Каждая практика и каждый миг социальной жизни должны быть отнесены посредством разнообразных кодов и дистрибуций к определенному пространству и времени. Стекло, которое «защищает от проникновения в помещения посторонних лиц» в действительности защищает от бесконтрольных социально-коммуникативных смещений — то есть выполняет функцию сегрегации, функцию производства социальных гетто на периферии или в центре городов. В этом отношении современный город и доминирующая в нем индустрия стекла есть не что иное, как «гигантский сортировочно-концентрационный лагерь» (Ж. Бодрийяр).

Сегодня мы находимся на пороге очередной революции в территориальных политиках города. Новые материалы, такие как «умные» стекла, показатели которых можно менять, просто нажимая на выключатель (например, стекло по желанию может быть как прозрачным, так и непроницаемым для глаз), изолирующие материалы с коэффициентом теплопроводности, близким к нулю, и более прочные огнеупорные материалы захватывают каталоги. Все, что мы можем об этом сказать, так это лишь то, что трудно вообразить себе плоды «многофункциональной стены» во всем их социальном потенциале.

¹¹ В современной интерьерной стилистике к авангарду восходит минимализм или, скажем, хай-тек — это ничего не меняет по содержанию, и современная система вещей остается по сути бидермайером.

¹² «В корне спектакля — древнейшая общественная специализация, специализация власти. Таким образом, спектакль является специализированным родом деятельности, заключающейся в том, чтобы говорить от имени других. Это дипломатическое представительство иерархического общества перед самим собой, откуда устраняется всякое иное слово» [38].

Импрессионисты еще вводили в свой урбанизм природный компонент — среда преломляла восприятие объекта, и это преломление, собственно, и осознавалось как задача показа. Дикий авангард эту среду конструировал — и демонстрировал элементарные частицы этого конструктора. Теперь городская среда исполняется как медийный галлюциноз — на уровне восприятия, как система селекции и сегрегации — на уровне социальной политики: постмодернизм играет с композиционным беспределом, в этом смысле напоминающая город Борхеса, построенный безумными богами.

Говоря о современном «обществе контроля», Ж. Делез сопоставляет исторические мутации дисциплинарных стратегий с внедрением новых типов машинного производства. Типы машин не определяют тип общества, они лишь воплощают в себе социальные формы, их производящие и использующие (то же самое мы можем сказать и об архитектуре): общества «права на смерть» использовали простые машины — рычаги, тяги, часы; более поздние общества «биовласти» оснастили себя машинами, использующими энергию, что породило пассивную опасность энтропии и активную опасность саботажа; современные общества имеют дело с машинами третьего типа — компьютерами, пассивная опасность которых — зависание, а активная — пиратство и внедрение вирусов. Современная архитектура дигитальна — язык ее переменной геометрии является сущностно цифровым. Дигитален и современный город — его география де факто размечена секторами и организована через коды доступа.

Однако цифровая интеграция политкорректных сообществ оказалась во многом утопической: по мере роста городских гетто все чаще возникают ситуации, когда безупречные с чисто архитектурной точки зрения сооружения, получившие различные архитектурные награды, отвергаются, разрушаются или коренным образом реконструируются потребителем. «Печально известен эпизод с районом Прут-Айго в американском городе Сент-Луисе. Проект, который начал разрабатываться в 1951 году, представлял собой тридцать три 11-этажных дома с лифтами, останавливающимися на 4, 7 и 10 этажах — на остальные этажи можно было попасть по специальным галереям, задуманным как безопасное место для игр и соседского общения. В 1956 году понадобились дополнительно 7 млн долларов для перестройки галерей, где преступность достигла такого уровня, что каждое возвращение жителей домой становилось своеобразным “проходом сквозь строй” [40]. Лифты также пришлось переделать, чтобы они останавливались на каждом этаже. В настоящее время некоторые из домов частично разобраны, другие полностью реконструированы. Подобных примеров можно привести много: аналогичная судьба постигла район Фельтеверстен в Стокгольме, задуманный как средство стирания социального неравенства, а теперь старательно избегаемый жителями Стокгольма; 201-ю среднюю школу Нью-Йорка, подвергшуюся бойкоту родителей как раз за то, за что здание получило архитектурную премию, — за небольшое число окон. Предполагалось, что эта мера сократит количество разбитых стекол, родители же считали, что в замкнутой среде им будут «промывать мозги» [40]. Пресловутый «человеческий фактор» искривляет все сигналы — это как бы имманентный социальности саботаж, ведь общество живо именно дурным использованием богатств — со времен Мандевиля и его «Басни о пчелах» ничего не изменилось. В этом — своего рода обещание

«высокому искусству»: «Считается, что высокая культура кончилась, потому что нынешняя экономика готова удовлетворить “в самой жизни” все те желания, которые высокая культура предлагала удовлетворить исключительно на символическом уровне. Но если согласиться с тем, что “высокая культура” оперирует с бесконечным желанием — или, что то же самое, с желанием бесконечного, — то представление о том, что какая-либо реально существующая экономика может удовлетворить все возможные желания, немедленно обнаруживает свою утопичность. <...> Видимо, не за горами и то время, когда высокая культура получит новый шанс заявить о своих правах на экономику бесконечного» [41].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 606.
2. Зубов В. П. Историко-научные концепции первой половины XVII века // Из истории мировой науки. СПб. : Алетей, 2006. С. 380—387.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993. С. 329.
4. Грегори Р. Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М. : Прогресс, 1970. С. 176.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Избранные произведения. М. : Мысль, 1989. С. 376.
6. Назарова М. П. Город как социокультурный феномен // Социология города. 2010. № 4. С. 3—6.
7. Назарова М. П. Социология архитектуры и ее роль в формировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2001. № 3. С. 10—14.
8. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие. М. : Республика, 1991. С. 315.
9. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 278—279.
10. Свасьян К. А. Становление европейской науки. М. : Evidentis, 2002. С. 42.
11. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб. : ALEXANDRIA, 2012. С. 117—224.
12. Панофски Э. Аббат Сюжер и аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре Средневековья. Киев : Путь к истине, 1992. С. 99—103.
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 313.
14. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб. : Алетей, 2003. С. 69.
15. Барт Р. Арчимбольдо. Чудовища и чудеса // Метафизические исследования. СПб., 2000. С. 341.
16. Лейбниц Г. В. Монадология // Соч.: в 4 т. Т. 1. М. : Наука, 1982. С. 425.
17. Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М. : Международные отношения, 1991.
18. Ямпольский М. Демон и лабиринт. Диаграммы, деформации, мимесис. М. : НЛО, 1996. С. 207—252.
19. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М. : Логос, 1998. С. 63—70.
20. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 158.
21. Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники XVI—XIX веков. М. : Просвещение, 1984.

22. *Тынянов Ю. Н.* Восковая персона // Соч.: в 3 т. Т. 1. М. — Л. : Гослитиздат, 1959.
 23. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. С. 239.
 24. *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство – СПб, 2002. С. 386.
 25. *Архитектура Запада 1. Мастера и течения.* М. : Стройиздат, 1972.
 26. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Время и бытие. М. : Республика, 1993.
 27. *Даниэль С. М.* От Средних веков к Новому времени: медиативная функция изображения // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М. : Наука, 1981. С. 399.
 28. *Кантор К. М.* Красота и польза. Социологические вопросы материально-художественной культуры. М. : Искусство, 1967.
 29. *Гутнов А.* Мир архитектуры. М. : Молодая гвардия, 1985. С. 66—68.
 30. *Гидион З.* Архитектура железа и железобетона во Франции. М. : Стройиздат, 1937.
 31. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. С. 204.
 32. *Вирильо П.* Машина зрения. СПб. : Наука, 2004. С. 78.
 33. *Лебедев В. В.* Заметки о пространственной сущности архитектуры. М. : Стройиздат, 1993. С. 214.
 34. *Марков Б. В.* Трансцендентальная феноменология с телекоммуникативной точки зрения // Я и Мы. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. С. 314.
 35. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 157.
 36. *Краус Р.* Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М. : Художественный журнал, 2003.
 37. *Савчук В.* Ликвидные акции искусства // Художественный журнал. 2001. Апрель.
 38. *Дебор Г.* Общество спектакля. М. : Логос, 2000. С. 28.
 39. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. С. 28.
 40. Взаимосвязь архитектуры с окружающей средой. М., 1978. С. 2.
 41. *Гройс Б.* Искусство утопии. М. : Художественный журнал, 2003. С. 17.
1. *Veber M.* Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya // Izbrannye proizvedeniya. M. : Progress, 1990. S. 606.
 2. *Zubov V. P.* Istoriko-nauchnye kontseptsii pervoy poloviny XVII veka // Iz istorii mirovoy nauki. SPb. : Aleteyya, 2006. S. 380—387.
 3. *Shpengler O.* Zakat Evropy. T. 1. Geshtalt i deystvitelnost. M. : Mysl, 1993. S. 329.
 4. *Gregori R. L.* Glaz i mozg. Psikhologiya zritel'nogo vospriyatiya. M. : Progress, 1970. S. 176.
 5. *Losev A. F.* Dialektika mifa // Izbrannye proizvedeniya. M. : Mysl, 1989. S. 376.
 6. *Nazarova M. P.* Gorod kak sotsiokulturnyy fenomen // Sotsiologiya goroda. 2010. № 4. S. 3—6.
 7. *Nazarova M. P.* Sotsiologiya arkhitektury i ee rol v formirovaniy arkhitekturnogo prostranstva sovremennogo goroda // Sotsiologiya goroda. 2001. № 3. S. 10—14.
 8. *Khaydegger M.* Iskusstvo i prostranstvo // Vremya i bytie. M. : Respublika, 1991. S. 315.
 9. *Tynyanov Yu. N.* O literaturnoy evolyutsii // Poetika. Istoriya literatury. Kino. M. : Nauka, 1977. S. 278—279.
 10. *Svasyan K. A.* Stanovlenie evropeyskoy nauki. M. : Evidentis, 2002. S. 42.
 11. *Pasturo M.* Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo Srednevekovya. SPb. : AL-EXANDRIA, 2012. S. 117—224.
 12. *Panofski E.* Abbat Syuzher i abbatstvo Sen-Deni // Bogoslovie v kulture Srednevekovya. Kiev : Put k istine, 1992. S. 99—103.

13. *Le Goff Zh.* Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. M. : Progress, Progress-Akademiya, 1992. S. 313.
14. *Eko U.* Iskusstvo i krasota v srednevekovoy estetike. SPb. : Aleteyya, 2003. S. 69.
15. *Bart R.* Archimboldo. Chudovishcha i chudesa // Metafizicheskie issledovaniya. SPb., 2000. S. 341.
16. *Leybnits G. V.* Monadologiya // Soch.: v 4 t. T. 1. M. : Nauka, 1982. S. 425.
17. *Chernyak E. B.* Pyat stoletiy taynoy voyny. Iz istorii sekretnoy diplomatii i razvedki. M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991.
18. *Yampolskiy M.* Demon i labirint. Diagrammy, deformatsii, mimesis. M. : NLO, 1996. S. 207—252.
19. *Delez Zh.* Skladka. Leybnits i barokko. M. : Logos, 1998. S. 63—70.
20. *Fuko M.* Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu. SPb. : Universitetskaya kniga, 1997. S. 158.
21. *Virginskiy V. S.* Ocherki istorii nauki i tekhniki XVI—XIX vekov. M. : Prosveshchenie, 1984.
22. *Tynyanov Yu. N.* Voskovaya persona // Soch.: v 3 t. T. 1. M. — L. : Goslitizdat, 1959.
23. *Fuko M.* Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. M. : Kastal, 1996. S. 239.
24. *Lotman Yu. M.* Russo i russkaya kultura XVIII — nachala XIX veka // Istoriya i tipologiya russkoy kultury. SPb. : Iskusstvo – SPb, 2002. S. 386.
25. *Arkhitektura Zapada 1.* Mastera i techeniya. M. : Stroyizdat, 1972.
26. *Khaydegger M.* Vremya kartiny mira // Vremya i bytie. M. : Respublika, 1993.
27. *Daniel S. M.* Ot Srednikh vekov k Novomu vremeni: mediativnaya funktsiya izobrazheniya // Kultura i iskusstvo zapadnoevropeyskogo srednevekovya. M. : Nauka, 1981. S. 399.
28. *Kantor K. M.* Krasota i polza. Sotsiologicheskie voprosy materialno-khudozhestvennoy kultury. M. : Iskusstvo, 1967.
29. *Gumov A.* Mir arkhitektury. M. : Molodaya gvardiya, 1985. S. 66—68.
30. *Gidion Z.* Arkhitektura zheleza i zhelezobetona vo Frantsii. M. : Stroyizdat, 1937.
31. *Eko U.* Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb. : Petropolis, 1998. S. 204.
32. *Virilo P.* Mashina zreniya. SPb. : Nauka, 2004. S. 78.
33. *Lebedev V. V.* Zametki o prostranstvennoy sushchnosti arkhitektury. M. : Stroyizdat, 1993. S. 214.
34. *Markov B. V.* Transsendentalnaya fenomenologiya s telekommunikativnoy tochki zreniya // Ya i My. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2002. S. 314.
35. *Bodriyyar Zh.* Simvolicheskiy obmen i smert. M. : Dobrosvet, 2000. S. 157.
36. *Kraus R.* Podlinnost avangarda i drugie modernistskie mify. M. : Khudozhestvennyy zhurnal, 2003.
37. *Savchuk V.* Likvidnye aktsii iskusstva // Khudozhestvennyy zhurnal. 2001. April.
38. *Debor G.* Obshchestvo spektaklya. M. : Logos, 2000. S. 28.
39. *Fuko M.* Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy. M. : Ad Marginem, 1999. S. 28.
40. *Vzaimosvyaz arkhitektury s okruzhayushchey sredoy.* M., 1978. S. 2.
41. *Groys B.* Iskusstvo utopii. M. : Khudozhestvennyy zhurnal, 2003. S. 17.

© Грякалов Н. А., 2013

Поступила в редакцию
в октябре 2013 г.

УДК 004:69.059.7

*О. Г. Мельникова,
П. П. Олейников*

**ИНФОРМАЦИОННОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗДАНИЙ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

Современные информационные технологии — наиболее эффективный инструмент выполнения проектов реконструкции памятников архитектуры. Они позволяют одновременно создать цельную 3D-форму всего здания, детально проработать мельчайшие элементы декора, получить рабочую документацию и отчеты, которые в дальнейшем могут использоваться на любой стадии реконструкции зданий и сооружений. В статье приводятся примеры применения информационных технологий для объектов различного типа.

Ключевые слова:

реконструкция,
реставрация,
восстановление чертежей,
3D-сканирование,
ортофотоплан,
информационное моделирование
зданий (BIM),
сооружения,
Autodesk,
Revit.

*O. G. Melnikova,
P. P. Oleynikov*

**INFORMATION MODELING
OF BUILDINGS:
EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION
OF MONUMENTS OF CULTURAL
HERITAGE**

Modern information technologies are the most effective instrument of realization of projects on reconstruction of architectural monuments. They allow to create simultaneously an integral 3D-shape of the whole building, to examine in details the smallest elements of the decor, to receive working documentation and reports which can be used in the future at any stage of the reconstruction of buildings and structures. In the article the examples of application of information technologies for various objects are provided.

В настоящий момент все большую актуальность приобретают реконструкция и реставрация имеющихся зданий и сооружений. Но, к сожалению, в наш век феноменального прорыва цифровых технологий именно это направление архитектурно-конструкторской деятельности в наименьшей степени затронули современные компьютерные технологии.

Основной опыт применения информационного моделирования зданий и анализа проектирования в данной области представлен примерами работ, выполненными под руководством В. Талапова (НГАСУ(Сибстрин)) [1].

Исследование историко-архитектурного наследия предполагает большую аналитическую работу с архивными и проектными документами и старыми фотографиями. К сожалению, чертежи и зарисовки реставрируемых зданий и сооружений могут храниться недолго. Например, с чертежа несколько раз снимались копии, он долго лежал в хранилище, его бумага пожелтела и деформировалась — качество чертежа начинает теряться. А уж если используемый документ очень стар и является копией на светочувствительной бумаге (синьке), тут не обойтись еще и без реставрации самого документа. При реставрации применяется множество методов — от удаления фона (то есть фактически удаления растровых пятен определенного размера), восстановления разорванных фрагментов и потертостей до бинаризации, при которой определенный цвет выделяется в отдельное монохромное изображение. Со всеми этими методами великолепно управляют программные продукты серии Raster Arts и др. Главная задача инструментов реставрации — спасти старый бумажный чертеж, перевести его в электронный формат и поместить в архив, снабдив информационной карточкой.

Второй вариант сбора исходных данных — непосредственное знакомство с объектом реконструкции. Проводится тщательное изучение и анализ состояния наземных и подземных конструкций для того, чтобы оценить возможность их эксплуатации в новых условиях. Каждая трещина, каждое искривление, каждое пятно сырости должны быть замерены, сфотографированы и описаны. Кроме визуальной проверки объекта реконструкции, необходимо провести химические анализы образцов грунта и других отобранных

Key words:

reconstruction,
restoration,
retrieval of drawings,
3D-scanning,
orthophotomap,
information modeling of buildings (BIM),
constructions,
Autodesk,
Revit.

материалов в специальных лабораториях, а также сделать проверочные расчеты. Традиционный метод, используемый в данной ситуации, — фотографирование и выполнение обмеров. Современные информационные технологии предлагают еще несколько способов.

Первый — трехмерное лазерное сканирование экстерьера и интерьера, позволяющее досконально передать состояние объекта, вплоть до мельчайших трещин в поверхностях (рис. 1, 2). Результатом этой работы является так называемое «облако точек» с трехмерными координатами. Это наиболее полная и достоверная информация о геометрии объекта на конкретный момент времени.

Многие сканеры наряду с координатами точек позволяют получать данные и об интенсивности отраженного сигнала. Приведа ее к градациям серого, можно воспринимать «облако точек» как черно-белую трехмерную дискретную модель.

Однако облако точек, представленное таким образом, дает не полное представление об объекте, поскольку информация о цвете в данном случае отсутствует как таковая. Это обстоятельство побудило к разработке такой технологии, при которой результаты лазерного сканирования и цифровой фотограмметрии будут совмещены. В результате совмещения данных лазерного сканирования и цифровой съемки можно получить вполне реалистичную цветную дискретную модель.

Еще одной важной формой представления исторических зданий и иных памятников материальной культуры являются ортофотопланы (рис. 3). Они выглядят как обычные фотографии, но при этом являются не центральными, а ортогональными проекциями объектов на плоскость. Вот почему такое изображение, не отличаясь от чертежа по геометрическим свойствам, значительно превосходит его по информативности. Кроме того, по изобразительным свойствам цветной ортофотоплан превосходит точечную модель.

Еще одно его преимущество состоит в возможности хранить для каждой точки изображения все три геодезические координаты, а также то, что он позволяет работать с очень большими изображениями. Чтобы в дальнейшем использовать такие материалы в иных приложениях, их можно конвертировать в стандартные растровые форматы с привязкой к геодезической системе координат.

Об авторах:

Мельникова Ольга Геннадиевна —
старший преподаватель
кафедры архитектуры, ВолГАСУ,
gzaidesing@mail.ru

Melnikova Olga Gennadievna —
Senior Lecturer of Architecture Department,
VSUACE

Олейников Петр Петрович —
кандидат технических наук,
доцент, декан архитектурного
факультета, ВолГАСУ

Oleynikov Petr Pertovich —
Candidate of Engineering Science,
Docent,
Dean of Architecture Department, VSUACE

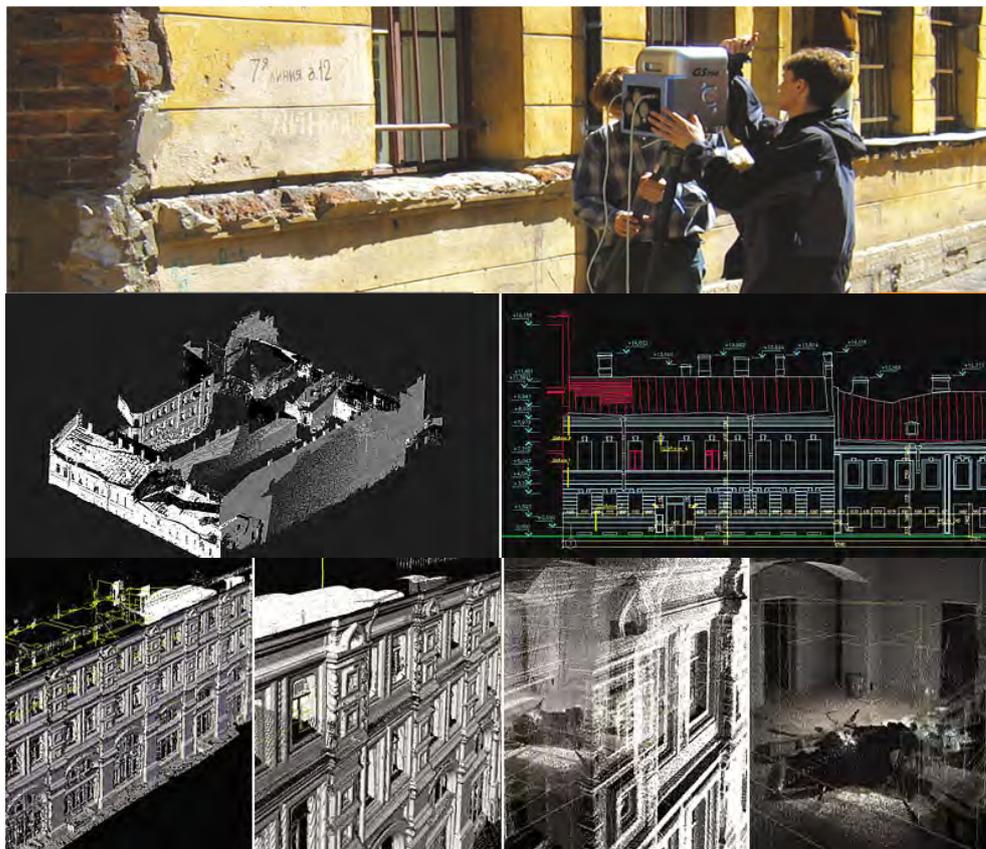

Рис. 1. Трехмерное лазерное сканирование зданий и сооружений. ЗАО «НГКИ»

Рис. 2. Цветная трехмерная дискретная модель памятника Николаю I

Рис. 3. ООО «НПП». Ортофотоплан части фасада Екатерининского дворца в ГМЗ «Царское Село»

Программный продукт Autodesk ReCap представляет собой семейство настольных и облачных решений, предназначенных для создания трехмерной модели объекта по данным лазерного сканирования и фотографиям (рис. 4). Autodesk ReCap позволяет инженерам и конструкторам создавать проект не с «нуля», а с учетом существующих сооружений, коммуникаций или ландшафта.

Рис. 4. Трехмерная модель руин старой мельницы в Волгограде, созданная на основе 8 фотографий. ЗАО «СSoft» Волгоград

Фиксация состояния памятников архитектуры на современном этапе развития информационных технологий позволяет выбрать наиболее приемлемый метод в зависимости от формы представления исходного материала и поставленной задачи реконструкции исторических объектов. Полученные

данные используются для создания электронных каталогов с применением локальных и общегосударственных баз данных. Они включают наборы объемных моделей памятников архитектуры и их элементов, а также исторических территорий городов, и содержат общую информацию об объекте: текстовое описание, изображение, картографическую информацию. Трехмерные модели применяются не только при проведении реставрационных работ (подбор цвета и фактуры отделочных материалов и др.), но и в экспозиционной деятельности музеев, а также служат основой для теоретического осмысления материала, представляя многообразие форм и деталей.

Только после проведения всех необходимых исследований объекта реконструкции можно переходить к следующему этапу — проектной стадии. Применение компьютерных технологий на стадии проектирования в реставрационной деятельности имеет очень серьезную специфику. Необходимо не просто отлично построить трехмерную модель здания, а смоделировать уже существующее строение со всеми его сильными и слабыми сторонами, достоинствами и недостатками. Кроме этого, необходимо учесть по результатам обследований состояние и степень износа всех компонентов сооружения и их частей, остаточные свойства материалов, из которых оно построено, и т. д.

В настоящее время одним из приоритетных направлений как в новом, так и в реставрационном проектировании является Технология информационного моделирования зданий (BIM) на основе комплекса программ Autodesk Revit. Данная технология обладает такими преимуществами, как:

- рационализация рабочих процессов;
- двунаправленная ассоциативность, автоматическое формирование и обновление ортогональных проекций;
- сокращение времени и объемов работ для построения архитектурных объектов и выполнения рутинных работ;
- параметризация;
- вариативность конструкций и проектных решений;
- формирование и автоматическое обновление отчетов спецификаций, ведомостей материалов и т. д.;
- визуализация;
- объектно-ориентированный подход;
- проверка пересечений и коллизий и т. д.

Кроме этого, существует ряд специфических преимуществ, которые значительно улучшают качество не только новых, но и реставрационных проектов:

- возможность моделирования и изменения в конструкциях здания;
- проектирование переоснащения здания новым инженерным оборудованием;
- отслеживание текущего состояния здания;
- грамотная эксплуатация существующих объектов и др.

Насколько точно и просто средства Revit позволяют воссоздать облик памятника архитектуры, можно увидеть на примерах приведенных проектов.

Новосибирский Дом композиторов (рис. 5) — типичный пример краснокирпичной архитектуры Сибирского региона начала XX в. Фасад здания насыщен деталями и отличается многообразием архитектурного оформления. В настоящий момент оно используется по назначению, но не приспособлено к условиям современной эксплуатации.

Рис. 5. Памятник архитектуры – Новосибирский Дом композиторов. Модель выполнена в Revit Architecture под руководством В. Талапова. НГАСУ (Сибстрин), 2010

Технология информационного моделирования зданий позволила одновременно получить цельную форму всего здания и детально проработать мельчайшие элементы декора. Ортогональные проекции, разрезы здания и трехмерная модель взаимосвязаны, и необходимая для производства работ чертежная документация со спецификациями автоматически сформирована на основе созданной единой модели. В результате получилась наглядная, детально проработанная трехмерная информационная модель здания — памятника архитектуры, которая в дальнейшем может использоваться на любой стадии проектирования: от эскиза до финального варианта проекта. Благодаря целостному подходу к проектированию ускорен процесс создания информационной модели, исключено проведение вспомогательных работ и рутинных операций не только при создании всей модели здания, но и в детальной проработке кирпичной кладки.

Примером информационного моделирования памятников деревянного зодчества является находящаяся в настоящий момент в Новосибирске **Спасо-Преображенская церковь Зашиверского острога** — единственный сохранившийся в Сибири пример подлинной архитектуры шатровых церквей Московской Руси (рис. 6).

Информационная модель церкви создавалась для дальнейшего использования при производстве работ по ее содержанию, реставрации и реконструкции. Поэтому главной целью, стоявшей перед авторами, было не стремление к максимально реалистичному изображению модели и ее элементов (хотя такая задача всегда стоит), а, в первую очередь, разработка конструктивно дос-

товерного электронного «дубликата» памятника архитектуры (максимальная реалистичность модели здания при этом тоже достигалась, но она становилась одним из результатов проделанной работы). Другими словами, в полном соответствии с концепцией ВМ готовая модель должна содержать не только комплексную исследовательскую информацию об архитектурно-художественных особенностях объекта, но и его количественные характеристики, описывающие состояние здания и допускающие возможность их всестороннего наполнения и последующей корректировки в результате проводимых обследований.

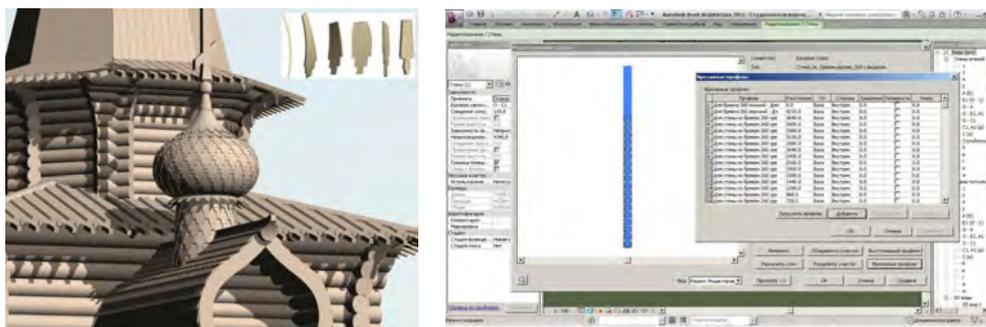

Рис. 6. Памятник архитектуры – Зашиверская церковь. Модель выполнена в Revit Architecture под руководством В. Талапова. НГАСУ (Сибстрин), 2010

Вторым результатом проделанной работы стала концепция создания электронной библиотеки параметрических элементов памятников архитектуры и типовых сооружений, наиболее характерных для той или иной эпохи. Применение такой библиотеки даст специалистам возможность не только изучать и наглядно представлять памятники архитектуры, но и более эффективно использовать современные информационные технологии в реставрационном проектировании. При этом библиотечные элементы деталей памятников архитектуры могут применяться и при создании современных зданий, что обеспечивает на уровне технологии более гибкий творческий подход к проектированию архитектурной среды вокруг исторической застройки.

Вносить изменения в существующее историческое сооружение необходимо очень осторожно. С одной стороны, необходимо сохранить историческое наследие, с другой — адаптировать его к эксплуатации в современных условиях. А это новые требования к прочности и теплозащите, комфорту, новые системы отопления, электро- и водоснабжения, пожаротушения, телекоммуникации, вентиляция и т. п.! Поэтому для памятника архитектуры, который строился без учета всех этих современных условий и требований, становится актуальным и даже единственно возможным компьютерное экспериментирование с уже существующим объектом, подбор и компоновка оборудования, оптимизация проектных решений и т. п. (рис. 7).

Еще одним примером реконструкции исторического здания, полностью выполненной в программном комплексе Autodesk Revit (Architecture и Structure), является проект восстановления документации объекта исторического наследия — храма святителя Николая Мирликийского в Сабурово

(рис. 8). Здания церкви, колокольни, церковно-причтового дома и вспомогательных строений церковного комплекса были смоделированы специалистами с помощью Revit Architecture менее чем за 2 месяца на 3 компьютерах без отрыва от основной работы.

Рис. 7. Памятник архитектуры — здание гостиницы «Метрополитен» в Новосибирске. Модель выполнена в Revit Architecture под руководством В. Талапова. НГАСУ (Сибстрин), 2010

Рис. 8. Проект храма святителя Николая Мирликийского в Сабурово. ООО «Рабус»

Таким образом, современные информационные технологии делают возможным воссоздать внешний вид, смоделировать технологии постройки, пространственную ориентацию объектов культурного наследия. Полученные ресурсы не только обладают историко-культурной значимостью, но и могут

эффективно использоваться в образовательном процессе. Это качественно новый уровень реставрационного проектирования.

Конечно, города должны строиться, развиваться, но не за счет уничтожения исторических памятников — необходимо бережное отношение к сохранившимся объектам архитектурного наследия [2]. Важно, чтобы преобладал комплексный подход к реставрационным проблемам, для решения которых современные информационные технологии открывают новые возможности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Таланов В.* BIM: кому нужна такая модель? URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=14315 (дата обращения: 10.12.2013).

2. *Галкова О. В., Петров А. В.* Международное право об охране архитектурного наследия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 75. № 11. С. 174—178.

1. *Talapov V.* BIM: komu nuzhna takaya model? URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=14315 (data obrashcheniya: 10.12.2013).

2. *Galkova O. V., Petrov A. V.* Mezhdunarodnoe pravo ob okhrane arkhitekturnogo naslediya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. T. 75. № 11. S. 174—178.

© Мельникова О. Г., Олейников П. П., 2013

*Поступила в редакцию
в декабре 2013 г.*

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. —

от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508.** Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru (в теме указать: *для Б.А. Навроцкого*).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariaapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2013. № 4

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потоккина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 29.12.2013.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 5,3. Усл. печ. л. 7,2. Тираж 500 экз. Заказ № 77.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1